

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

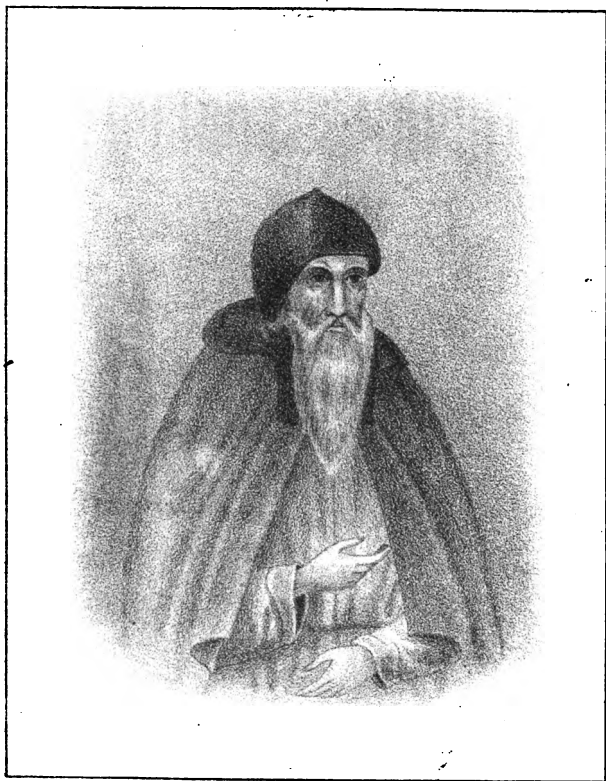
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Collegium S.^{ae} Mariae Magdalenae
apud Oxonienses

Birkbeck e. 8

ИНОУЗЪ КОРНИЛІЙ

3

РАЗСКАЗЫ

ИЗЪ

ИСТОРИИ СТАРООБРЯДСТВА,

ПО

РАСКОЛЬНИЧЬИМЪ РУКОПИСЯМЪ,

ПЕРЕДАВШИЕ

С. МАКСИМОВЫИЪ.

ИЗДАНИЕ Д. Е. Кожанчикова.

СЪ ПОРТРЕТОМЪ ПИОКА КОРНИЛІЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества «Общественная Польза».

1861.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи было представлено въ Цен-
сурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Пе-
тербургъ, 30 сентября 1861 года.

Ценсоръ *Ө. Размаиновъ.*

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Во всѣхъ сочиненіяхъ о русскомъ расколѣ, мы встрѣчаемъ одинъ весьма важный и существенный недостатокъ: это вообще недостатокъ знанія внутренней его жизни, объясненной въ такомъ поучительномъ и знаменательномъ обилии въ сочиненіяхъ, писанныхъ самими раскольниками. До сихъ поръ, мы слышали только однихъ противниковъ раскола, не слышали его защитниковъ и приверженцовъ; являлись только одни обвинители и судьи, не видно было самихъ обвиняемыхъ, не слышно ихъ оправданій. Оттого-то вообще такая неясность и запутанность понятій о самой сущности дѣла; оттого-то обнародованіе раскольничьихъ сочиненій столько же необходимо, сколько и полезно. Они одни въ состояніи выяснить окончательно этотъ туманный и запутанный вопросъ въ русской жизни,

который заурядъ съ московской земщиной, съ народными движеніями на Дону, Волгѣ, Уралѣ и въ Новгородѣ, представляетъ самыя яркія и законченныя картины въ русской исторіи: это едва ли не вся исторія русскаго народа.

Расколъ въ самомъ началѣ своего существованія — распространеніе сочиненій въ народѣ принялъ самымъ дѣйствительнымъ и надежнымъ средствомъ пропаганды. Сочиненій этихъ ходило въ народѣ великое множество. Главная цѣль первыхъ изъ нихъ былъ патріархъ Никонъ, какъ обвиняемый и какъ подсудимый. Протопопъ Аввакумъ написалъ нѣсколько посланій и статей, имѣвшихъ огромный успѣхъ въ народѣ и породившихъ даже особую секту, носящую имя протопопа. Вслѣдъ за Аввакумомъ писали: діаконъ Ѳеодоръ (посланія), черный попъ Ѳеоктистъ (объ антихристѣ), московскій архимандритъ Спиридонъ (о правой вѣрѣ), попы Никита и Лазарь (челобитныя), соловецкіе старцы Азарій и Геронтій (также челобитную, сдѣлавшуюся символическою книгою). Съ начала XVIII вѣка характеръ сочиненій этихъ измѣнился: всѣ

онѣ были направлены исключительно противъ правительства духовнаго и гражданскаго. У раскольниковъ завелась своя книжная торговля, лавки и библіотеки, типографіи и разнощики. Ревностнѣе всѣхъ другихъ явились два даровитыхъ писателя Денисовы (Андрей и Семень). Эти преимущественно занимались разработкою біографическихъ матеріаловъ о тѣхъ изъ сборниковъ старообрядства, которые, рѣзко выдѣляясь изъ толпы, произвели сильное и глубокое вліяніе на массу русскаго народа. На этомъ именно отдѣлѣ расколичьихъ сочиненій, мы рѣшаемся остановиться. Цѣль наша — прослѣдить за главными дѣятелями раскола по писаніямъ ихъ единомышленниковъ, безъ всякой предвзятой мысли и въ возможно-упрощенной формѣ. Заключеніямъ и выводамъ, мы даемъ мѣсто впоследствии.

На этотъ разъ останавливаемся съ особенною охотою на старца Корнилія, какъ на одномъ изъ ревностнѣйшихъ и счастливейшихъ распространителей раскола. Онъ почему-то былъ незамѣченъ всѣми писавшими о русскомъ раско-

*

лѣ, и даже въ самыхъ поименныхъ перечняхъ раскольничьихъ проповѣдниковъ, имя его было пропущено. А между тѣмъ вотъ что рассказываютъ объ немъ.

I.

ПОВѢСТЬ

ДУШЕПОЛЕЗНА О ЖИТИИ И ЖИЗНИ

ПРЕПОДОБНАГО

ОТЦА НАШЕГО КОРНИЛІЯ,

уже бысть на Выгу рѣцѣ близъ озера Онега,

*написанная подѣ диктовку самою старца сожителемъ
и ученикомъ его Пахоміемъ, жившимъ также на Выль
рѣцѣ (1).*

Въ дальныхъ и темныхъ ветлужскихъ лѣ-
сахъ живетъ старецъ Капитонъ и съ нимъ, подѣ
его началомъ, еще тридцать иноковъ. Разъ яв-
ляется къ Капитону юноша, кланяется ему въ

(1) На принадлежащемъ мнѣ экземплярѣ приписано въ
концѣ житія: «сіе преписано съ самаго его инока Пахомія
руки». Книгу эту приобрѣлъ я въ Пустозерскѣ, на рѣцѣ Печорѣ.

ноги, просить благословенія и молитвъ. Капитонъ, *имѣя чинъ священства, благословляетъ его рукою* и говоритъ:

— Богъ да благословитъ тя, чадо!

— Откуда еси, коего града и отъ коея веси?

— Азъ родихся на Тотъмѣ рѣцѣ, земледѣльца отца сынъ; пятнадцать лѣтъ остахся единъ, обучихся грамотѣ.

— Что есть имя твое?

— Имя мое Кононъ.

— Чего ради сѣмо прииде?

— Придохъ сѣмовидѣти твое преподобіе, отвѣчаетъ Кононъ и, припавъ къ ногамъ Капитона, говоритъ ему:

— Молю тя, честный отче, да приимиши мя въ сожителство братіи твоей и сотвориши мя инока: на се бо придохъ.

— Чадо Кононе! — отвѣчалъ ему Капитонъ, — Богъ да исполнитъ желаніе твое, яко Самъ хощетъ, но понеже юнъ еси и не можешь здѣ трудовъ иночества понести, понеже и мѣсто сіе пусто есть и кромѣ всякаго утѣшенія. Но даю ти совѣтъ благъ: да идеши въ Корниліевъ-мо-

настырь комельскаго, и тамо тя примуть съ любовію и инокъ будеши и угодная Богу и себѣ полезная ко спасенію души своей устройши...

Но Капитонъ все-таки прожилъ тутъ только два мѣсяца. Что заставило его оставить родную деревню—неизвѣстно⁽²⁾; за то причиною оставленія новаго мѣста жительства послужила строгость постничества и общежитія Капитона съ братією: самъ Капитонъ обложенъ былъ тяжелыми желѣзными веригами; томилъ себя постомъ и поклонами: ѣлъ въ два дни немного сухаго хлѣба и *сурово земіе* по захожденію солнца. Онъ мало спалъ и все время проводилъ то въ пѣніи псалтыря, то въ работахъ. вмѣсто свитки носилъ *запонъ* по поясъ, плечи покрывалъ мантиєю до пояса же, на ребрахъ не спалъ, но всегда сидя или стоя... Того же требовалъ старецъ и отъ другихъ иноковъ.

(2) Авторъ житія въ этомъ случаѣ говоритъ, что у Корнилія былъ двоюродный братъ Михаилъ, который совѣтовалъ ему жениться, но что Кононъ всегда любляше иноческое житіе и аще обрѣташе гдѣ какова либо инока, вопрошаше его о спасеніи души и како спастися возможно, и мысль свою открываше во еже иночествовати желаше.

И вотъ Конона уже у воротъ Корниліева-монастыря спрашиваетъ вратникъ: откуда, и зачѣмъ пришелъ онъ?—и ведетъ къ игумену.

Игуменъ назначаетъ Конону двухгодичный искусь, и черезъ годъ постригаетъ его въ монахи съ именемъ Корнилія, отдаетъ его старцу Корнилію же именемъ, у котораго нашъ Корнилій живетъ 24 года. Вскорѣ по постриженіи онъ назначается въ пономарскую должность. Когда умеръ наставникъ—для Корнилія, съ благословенія игуменскаго, настаетъ время долгихъ и многихъ странствій. Онъ скитается изъ одного монастыря въ другой, включивши себя такимъ образомъ въ то огромное число странниковъ-шатуновъ, которые толпами ходили по монастырямъ въ то счастливое, безпечальное время.

Былъ онъ въ Кирилловомъ и Сергіевомъ монастыряхъ, дошелъ до Москвы: былъ у Спаса на Новомъ, жилъ въ Симоновѣ, въ 7120 (1612) г., при царѣ Михаилѣ, въ то время когда находился въ Москвѣ прибывшій изъ Іерусалима патріархъ

Феофанъ (³). Изъ Симонова Корнилій перешель жить въ Чудовъ монастырь, и затѣмъ опять въ Сергіевъ. «Піянства же и празднословія гнущаяся отъ дѣтства и до кончины житія своего весьма сего сохраняяся», знаменательно прибавляетъ авторъ. Предлагали Корнелію санъ священника: онъ отказывался, но два года затѣмъ пекъ у патріарха Іосифа хлѣбы. Искусство его въ этомъ родѣ дошло до того, что когда онъ очутился въ Новгородѣ, тамошній митрополитъ Афоній велѣлъ ему печь для себя по семи хлѣбовъ ежедневно. При немъ умеръ Афоній, и когда Корнилій пришелъ во второй разъ въ Новгородъ, на мѣстѣ Афонія былъ уже Никонъ, будущій злѣйшій врагъ Корнелія, но теперь ласкавшій его и любимый имъ.

— Что ты вѣдаешь, Корнилій? Никонъ-ми-

(³) Въ этомъ мѣстѣ авторъ житія, инокъ Пахомій, прибавляетъ отъ себя слѣдующее: «азъ окаянный и многогрѣшный отъ десницы его благословенія сподобихся пріяти — и своимъ очима пзвѣстно и достойно видѣхъ, яко весьма благоголюбно и хриstopодражательно двѣма персты люди благословляше и самого са знаменоваше».

трополить — антихристь! — говорилъ ему разъ какой-то Пимень черной дьяконъ, пришедшій изъ Соловецкаго монастыря (*).

— Бѣснуешися, тако глаголеши! отвѣчалъ ему Корнилій.

— Идемъ и посмотримъ, како людей благословляетъ; и видѣхомъ извѣстно, яко по новому; а не тако, яко же прежніе святители благословляли! — говорилъ между тѣмъ Пимень.

Корнилій, удостовѣрившись въ показаніи дьякона, пересталъ ходить подъ благословеніе митрополита. Никонъ замѣтилъ это:

— Корнильющко, чесо ради ко благословенію не ходиши?

Корнилій промолчалъ.

— Хочеши ли убо сотворю тя игумена въ Деревяницкой-монастырь?

Корнилій отказался, но вскорѣ уже говорилъ

(*). Пимень этотъ бѣжалъ впоследствии изъ монастыря Соловецкаго, во время его осады, и поселился близъ города Олонца, въ такъ называемомъ Березовѣ-наволокъ, и потомъ сожженъ въ 1677, августа 9-го, въ числѣ будто бы 1,200 человекъ (??!).

противъ Никона игумену Досиѣю. Досиѣей отвѣчалъ, что онъ и самъ видалъ, какъ невѣрно слагаетъ митрополитъ персты и дивится и не знаетъ что изъ того будетъ.

Корнилій между тѣмъ, мучимый непосѣдливостію, уходитъ снова въ Москву и здѣсь получаетъ отъ патріарха Іосифа приказаніе «при себѣ быти». Патріархъ вскорѣ даетъ ему службу въ Архангельскомъ-соборѣ «надсмотрѣніе надъ посами и дьяками ковать и смирять за нѣкоторыя вины». Но Корнилію и здѣсь не сидится: онъ переходитъ въ Чудовъ-монастырь и именно въ то время, когда пріѣзжаетъ въ Москву изъ Новгорода митрополитъ Никонъ.

Наступало время коренныхъ церковныхъ преобразованій. Являлись во множествѣ защитники и противники стараго порядка вещей. Ходило по городу много разныхъ слуховъ про Никона, слуховъ въ большей части случаевъ ему неблагопріятныхъ. Говорили, что близокъ антихристъ, и что антихристъ самъ Никонъ, въ исполненіе пророчества Апокалипсиса, гдѣ сказано, въ главѣ 13, что число человѣческо есть число ан-

тихристово (хѣс) 666. Наступаль *ахѣс (1666) годъ. Явилась комета: ее приписали Никону. Разсказывались даже небылицы. Какой-то чудовскій старецъ Симеонъ толковалъ чудовскимъ мохамъ свое сонное видѣніе великаго, пестраго и страшнаго змія, который, обогнувшись около стѣнъ царскихъ палатъ, голову и хоботъ имѣлъ внутри палаты и шепталъ въ ухо царя. Въ эту ночь, какъ оказалась, Никонъ бесѣдовалъ съ Алексѣемъ. Тогда же говорили нѣкоторые старцы, пришедшіе изъ Соловецкаго-монастыря, что будто бы, когда еще Никонъ былъ инокомъ тамошняго Анзерскаго-скита и, во время обѣдни читалъ евангеліе, св. Елезарій (основатель этаго скита) увидѣлъ, что около шеи Никона обвился черный, пестрый змѣй и концами своими лежалъ по его плечамъ. Прибавляли при этомъ, что Елезарій сказалъ тогда же вслухъ всей братіи: «о братіе! аще кто сего старца убилъ бы, азъ грѣшный умолилъ бы за него Бога».

Другіе толковали, что когда былъ въ Москвѣ іерусалимскій патріархъ Теофанъ—собранный былъ

соборъ о нѣкоторыхъ церковныхъ сектахъ, что на соборѣ этомъ засѣдалъ Филаретъ московскій, много митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ, что каждый говорилъ полезное, и когда кончилась бесѣда, Теофанъ сказалъ вслухъ всѣмъ слѣдующее: «воистину глаголю вамъ, отцы и братіе: нынѣ убо яко во всей поднебесной едино солнце сіяеть, тако въ московскомъ государствѣ единъ православный и благочестивый царь, благочестіемъ и православною вѣрою просвящается и свѣтится. А когда будетъ у васъ въ Россіи царь съ первыя литеры, при томъ премѣнятся законы церковные и обычаи христіанскіе и будетъ гоненіе велие и мучительство на церковь христову».

— И вотъ у насъ царь съ первыя литеры съ аза, и вотъ время, егда премѣнятся вся чины, и законы церковныя упразднятся, и новое послѣдованіе, и новый богъ будетъ, и гоненіе велие на церковь Христову будетъ!—толковали между тѣмъ многіе *сказатели и изыскатели священнаго писанія*. Иванъ Насѣтка и дьякъ Федоръ,

книжный справщикъ у патриарха Юсифа, были первыми противниками Никона (5).

(5) Продолжаемъ далѣе разсказъ свой обо всѣхъ тѣхъ неблагопріятныхъ для Никона слухахъ, которые распространяли о патриархѣ враги его. Мы намѣрены посвятить этому предмету особую статью, но теперь упомянемъ только о крайненѣльныхъ слухахъ, которые распространяли въ скитахъ уже позднѣе, когда Никонъ былъ въ опалѣ и подѣ царскимъ гнѣвомъ. Какой-то Дмитрій съ Волги, откуда былъ и самъ Никонъ родомъ, разсказывалъ слѣдующее: «иногда я поймалъ осетра и повезъ его къ Москвѣ въ даръ отцу патриарху Никону: другъ онъ мнѣ былъ и прежде. Патриархъ обрадовался мнѣ, благословилъ и велѣлъ быть неотступно при себѣ, въ палатѣ. Напонѣвъ меня питьями со удовольствіемъ, онъ велѣлъ мнѣ спать близъ себя, въ другой каморѣ. Проснувшись ночью, я, сквозь малую скважину въ двери, видѣлъ Никона въ большой палатѣ, отъ многихъ бѣсовъ почитаема. Они его любезно лобызали, посадили на престолъ, вѣнчали какъ царя, кланялись ему и говорили:

— Во истину, любезный ты другъ есть и большій братъ нашъ, яко ты намъ поможе крестъ Маринна сына изгнати, низложить и преодолѣти. Точію се неладно сотвори: чесо ради прѣсна челоувѣка пустель еси къ себѣ спать? слышитъ бо вся наша дѣйства, намъ и удави его, да не повѣсть сего.

Никонъ говорилъ имъ:

— Другъ ми есть достойный и сосѣдъ ближній, *улився, спитъ.*

Они опять:

— Или, удави!

Вскорѣ за тѣмъ, въ 1657 году, умеръ патриархъ Юсифъ и на его мѣсто избранъ царскимъ

Никонъ въ отвѣтъ:

— Азъ шедъ, вкушу его!

И придя ко мнѣ, началъ бужать, но я притворился будто сплю. Тогда онъ началъ стрекать иглою пята ногу моихъ и я едва скрѣпился, но выговорилъ:

— Я другу моему, отцу Никону объявлю.

И опять началъ хрипеть и спать. Никонъ ушелъ отъ меня и затѣмъ въ соборъ, а я пошелъ въ его ложницу и увидѣлъ у постели ступни чернаго бархата. Посмотрѣвъ внутрь ихъ, замѣтилъ стельки добраго сукна и, ощутивши въ нихъ что-то, подпоролъ. Тамъ въ одной стелькѣ былъ образъ пречистой Богородицы, а въ другой — крестъ тричастный, изъ тонкаго серебра. Когда вернулся Никонъ и спрашивалъ меня, что я видѣлъ, я отвѣчалъ:

— Не помню, владыко святой, токмо пята болятъ, опохмѣлится хотятъ.

Никонъ началъ смѣяться, опохмѣвилъ меня довольно, благословилъ и отпустилъ съ миромъ.

Тотъ же рассказъ о стелькахъ повторилъ и нѣкто Кирикъ, (бывшій нѣкогда келейникомъ Никона въ Анзерскомъ-скиту Соловецкаго-монастыря, также обласканный имъ и принятый въ патриархію) съ тою только разницею, что башмаки были съ бархатными передами и на одной стелькѣ былъ крестъ, а въ другой воплощеніе пресвятыя Богородицы съ предвѣчнымъ младенцемъ. Ученикъ Никона, старецъ Андреянъ, нашелъ тоже самое въ саноглахъ патриарха и плелъ новую сказку: «азъ возненавидѣвъ его за то и началъ ему пререкати во

совѣтомъ и соборомъ Никонъ, который поспѣшилъ взять къ себѣ изъ заключенія, изъ Соловковъ, ссыльнаго старца Арсенія Суханова ⁽⁶⁾. Вдвоемъ они дѣятельно продолжали исправленіе, на пущее недовольство своихъ противниковъ. Къ числу послѣднихъ вскорѣ явно присталъ и Корнилій. Онъ рассказывалъ, что разъ, въ тонкомъ снѣ, увидѣвъ себя въ Успенскомъ-соборѣ, примѣтилъ двухъ человекъ, спорившихъ

всѣмъ келейномъ послушаніи; онъ многожды біаху мя за пререканіе и разъярився зѣло, и окова носъ желѣзы тяжкими и оловомъ залывъ и повелѣ заточити въ Палеострожской-монастырь, на Онежско-озеро, въ немъ же святой Зосима бѣ постриженъ».

(6) «Извѣстнаго еретика, подобнаго себѣ ереси и вѣры арменскія, по объявленію духовному въ покаяніи его, яко трижды Христа отвергшагося, ради философскаго ученія, ругательно прибавляетъ авторъ житія, «и затѣмъ продолжаетъ: «И нача казяти церковь Божию, еже есть всякое древнее апостольское и святоотеческое православное, содержащее извѣстное благочестіе отиѣтами и придавати новое и неизвѣстное, еретическое: еже есть вмѣсто двуперстнаго знаменованія и благословенія, паче же самымъ Христомъ преданнаго, трети персты себе знаменовати, а пятію персты литерословно, малаксовою, проклятою раскорякою люди благословляти и всякая таинства совершати».

между собою: одинъ былъ благообразный, другой темнообразный. Благообразный имѣлъ въ рукахъ трисоставный крестъ и говорилъ:

— Сей есть истинный крестъ Христовъ.

Темнообразный держалъ крестъ двоечастный («крыжъ латинскій», по выраженію старообрядцевъ) и отвѣчалъ первому:

— Но сіе знаменіе нынѣ подобаетъ почитати, а не оное.

Долго спорили они: темнообразный одолѣлъ благообразнаго и оба ушли. Возставши отъ сна, Корнилій пошелъ въ Успенскій-соборъ, на праздникъ Благовѣщенія, и услышалъ тамъ спорившихъ. Одинъ говорилъ:

— Пой по новому.

Другой отвѣчалъ:

— Не поемъ по новому, но по старому, како научихомся, тако и поемъ, а по новому не поемъ, и не умѣемъ.

И опять говорилъ первый:

— Какъ нибудь пой, токмо не по старому, а по новому.

И долго потомъ они спорили, но одолѣли *новолюбцы*.

Когда въ тотъ же день розданы были просфоры съ четвероконечнымъ крестомъ, многія просфоры эти принесли на трапезу, показывали другъ другу съ ужасомъ, но не ѣли. Иные перестали ходить въ церковь и стали молиться въ своихъ кельяхъ, по одиночкѣ. Начали смѣлѣе и чаще толковать о значеніи хъс и о пришествіи антихриста.

Собранъ былъ соборъ; на немъ заявили себя главные поборники стараго православія, каковы: протопопъ соборный Аввакумъ Петровичъ, протопопъ Данилъ, соборный священникъ Лазарь, соборный священникъ Никита, священноинокъ и схимникъ Капитонъ (великій), дьяконъ Ѳедоръ, старцы Авраамій и Исаія, архимандритъ Спиридонъ Потемкинъ и епископъ коломенскій Павелъ.

Начала разыгрываться та страшная драма, которая кончилась долгимъ стояніемъ Соловецкаго-монастыря и московскими мятежами.

Корнилій съ игуменомъ Досифеемъ разсчи-

талъ на лучшее и болѣе безопасное. Онъ убѣ-
жалъ на Донъ и прожилъ тамъ три года. Вер-
нувшись въ Москву, Досифей остался тутъ, а
Корнилій пробрался въ Кирилловъ-монастырь,
гдѣ, по словамъ житія его, «много благочести-
выхъ иноковъ было. Изъ Кириллова же монасты-
ря, продолжаетъ житіе, приде въ Нилову-пу-
стыню, прилучися ему скорби не малой быти
два года, яко быти ему уже къ смерти». Здѣсь
онъ истощилъ все свое краснорѣчіе, чтобы убѣ-
дить старцевъ держаться старины и ставилъ
имъ въ примѣръ Гурія Хрипунова, который былъ
поставленъ Никономъ въ архимандриты на Вал-
даѣ, и проживши тамъ годъ, умеръ безъ покая-
нія. «При смерти своея кричалъ и плакался
горько, яко ужасатися и прочимъ отъ него, во-
пїяше: увы мнѣ прельстихся и погибохъ всяче-
ски! Скажите другу моему, отцу Корнилію, да по-
молитъ о мнѣ Бога». «Блюдитесь, прибавлялъ
Корнилій при этомъ, дабы не пострадать та-
кожде, яко же Гурій, да Григорій Нероновъ, ма-
ловременное житіе возлюбивше, въ новолюбной
прелести прельщены быша и погибоша».

Въ Нилову-пустыню, на то время, когда еще жилъ тамъ Корнилій, явились изъ Москвы до-смотрщики и, увидѣвъ, что тамъ вся церковная служба совершается по старопечатнымъ книгамъ, велѣли попу служить по новымъ. Попъ отказался и не сталъ служить. Велѣно было служить новому попу. Скитскіе старцы составили заговоръ съ цѣлю возбранить чужому служить по новымъ книгамъ и подговорили Корнилія, отправляшаго по прежнему свою пономарскую должность, говоря ему:

— Егда новый попъ начнетъ служить по новому и покажи дерзновеніе, возбрани ему, а мы тебя не покинемъ.

Началась служба, новый попъ дѣлалъ свое дѣло, Корнилій сказалъ ему:

— Престани бредить.

— Пономарь! знай свое дѣло, не указывай намъ, отвѣтилъ священникъ.

До трехъ разъ затѣмъ начиналъ священникъ по новому, до трехъ разъ останавливалъ его Корнилій и наконецъ не выдержалъ, ударилъ попа по головѣ кадиломъ, съ разженными уго-

лями, и разбилъ голову до крови. Товарищи новоставленнаго попа вбѣжали въ алтарь, схватили Корнилія за волосы и, въ свою очередь, до крови разбили ему голову объ полъ. Началась общая драка и «бишеся до пролитія крове». Корнилій, воспользовавшись общею суматохою, убѣжалъ вмѣстѣ съ писателемъ своего житія, Пахоміемъ.

Послѣ многихъ и долгихъ странствій, пришли они въ Олонецкій-уѣздъ, въ Пудожскую-волость и поселились тамъ на рѣкѣ Водлѣ. Келья ихъ была самородная: съ трехъ сторонъ образовали ее гранитныя скалы, съ четвертой старцы прорубили дверь и окно; потолокъ и кровли сдѣлали деревянныя и сложили внутри печь, снабженныя обѣщаніями сосѣднихъ жителей приносить хлѣбъ. Два года Корнилій жилъ здѣсь и уже думалъ идти въ Соловецкій-монастырь.

На то время пришелъ къ нему оттуда бѣглый старецъ Епифаній, вмѣстѣ съ которымъ онъ жилъ слишкомъ два года въ новой кельѣ, на Кяткозерѣ. Епифаній звалъ Корнилія въ Москву, но Корнилій отказался болѣзною, а Епифаній

ушелъ. Впослѣдствіи, уже черезъ шесть лѣтъ, Корнилій услышалъ отъ бывшаго иподьякона Никонова, средней станицы, именемъ Ѳедора, о томъ, что Епифаній подавалъ царю челобитную и съ отрубленнымъ языкомъ отправленъ въ ссылку на Печору, въ Пустозерскій-острогъ, гдѣ и сожженъ въ срубъ, вмѣстѣ съ Аввакумомъ, Лазаремъ и Ѳедоромъ. Иподьяконъ этотъ жилъ съ Корниліемъ полтора года, но ушелъ въ Москву, гдѣ постигла его та же печальная участь, какъ и Епифанія.

Узнавши о смерти Ѳедора (въ инокахъ Филиппа), Корнилій переселяется за шесть верстъ отъ прежняго скита своего на Нигозерѣ, гдѣ строить келью и небольшую часовню, во имя св. Николы. Отсюда онъ часто ходитъ для бесѣды въ Куржинскую-пустынь, гдѣ на то время живетъ его другъ и товарищъ Досифей. Но страсть къ перемѣнѣ мѣстъ влечетъ его далѣе на Водлозеро. На Бѣломъ-острову этого озера, онъ находитъ часовню, построенную до него Прокофіемъ, строить себѣ келью и живетъ съ тремя старцами спокойно: «попъ водлозерскій

Павель поберегалъ ихъ, хотя въ то время вездѣ гоненіе было велие. Провѣдалъ, однако, про Корнилія поповскій староста Семень Кижскій и рѣшился поймать его. Корнилій, предувѣдомленный сосѣдями, бѣжить оттуда на Немозеро. Но здѣсь встрѣчаетъ ту же неудачу: вытегорскій попь Ассонъ посылаетъ поймать его. Посланный, однако, самого Корнилія не взялъ, а отнялъ у него все, что было и что нашель. Корнилій переселяется на Снигозеро и отсюда часто уходитъ въ Каргополь, или отъ страха преслѣдователей, или ради собственныхъ нуждъ. «Въ Каргополи же въ то время много добрыхъ людей было вѣрныхъ и рачителей благочестія: Исаковы и Кушниковы, и поберегли-нашу братію».

Слухъ о покровительствѣ раскола въ Каргополь дошелъ до Москвы. Въ Каргополь посланы были два монаха: Ѡилофей и Сергій, для увѣщанія ненокорныхъ (?). Корнилій держалъ съ ними

(?) Сергій, производа потомъ дальнѣйшее слѣдствіе надъ раскольниками и проѣзжая изъ Кожезерскаго-монастыря, свалился съ лошади и умеръ, разбитый копытами ея въ голову,—какъ свидѣтельствуеть далѣе тотъ же Пахомій.

споръ. «Даль бо ему Богъ свободенъ языкъ ко глаголанію о вѣрѣ».

— Молчи! говорили ему посланные, хотя наша неправа вѣра, да быть тому времени такъ.

«Оскорбить же злобно ничѣмъ не смѣли, понеже обороняли и защищали его посадскіе, да игумень въ Каргополи же, Спасова-монастыря, Евфимій (любилъ же старо-благочестіе и служилъ по старому все). У него же, Евфимія, крыяхуся соловецкіе старцы Игнатій да Германъ, вже въ Палѣостровѣ сожжены быша (да старецъ Юсифъ сожженъ въ Пудоги) и иныхъ, человекъ съ восемь; все жили у Евфимія игумена, въ поварной кѣли не мало время пребыша».

«Послѣди же того не задолго (продолжаетъ далѣ Пахомій) пострадалъ въ Каргополи Андрей Семиголовъ, да другой Андрей съ братомъ; много часовъ на мразѣ стояли и не прикоснулся мразъ ихъ: вся претерпѣша Божією помощію, по многихъ иныхъ мукахъ, огнемъ сожжены быша. Да и Афанасей кузнецъ, съ Озерецъ, пострадалъ на Чаранды: въ трехъ застѣнкахъ былъ битъ, потомъ клещами ребра ломали и пупъ тя-

нули, потому въ зимнее время, въ нестерпимые мразы, обнаженъ стояше и студеную воду со льдомъ на главу поливаху на многіе часы, донележе отъ брады его до земли соски смерзли, аки поросшіе, послѣди же огнемъ сожженъ бысть; тако скончася».

«Сіи вси мученицы отъ отца Корнилія научены быша правовѣрію».

Самъ же Корнилій, вѣроятно, боясь сильнѣйшихъ преслѣдованій — съ этого времени начинаетъ замѣтно чаще перемѣнять мѣста жительства: ограбленный, но пощаженный, онъ оставилъ Немозоро и поселился на Мангозерѣ, но и здѣсь жилъ не долго. Построивъ въ полуверстѣ отъ Гавушезера въ лѣсу келію, перешель туда. «Послѣ той кельи, продолжаетъ житіе, жили взабѣги недѣль шесть у Нудьи въ великіе мразы и много нужды претерпѣша отъ гонителей; Корнилій же крѣпляше братію». Въ это время Корнилій принялъ на себя право постриженія: еще на Мангозерѣ постригъ онъ какого-то Серапіона, и потомъ, у Гавушезера, какого-то Варлаама, Сюда, къ Гавушезеру, пришелъ къ нему нѣкто Сергій,

прося его переселиться къ нему, на Выгъ-рѣку, на устьѣ рѣки Дексы. Корнилій послушался, но не ужился съ Сергіемъ и опять искалъ новаго мѣста и нашель его повыше устья рѣки Дексы, по рѣкѣ Выгу, у порога. Сергій съ Евтихіемъ помогали ему строить келію, но вѣшняя вода заставила его перенести эту келію насупротивъ, по другую сторону рѣки. Здѣсь-то наконецъ, кончилось его скитальчески-бродяжничья жизнь, полная какихъ-то тревожныхъ передвиженій, истекавшихъ и отъ исключительности его положенія среди исповѣдниковъ исправленнаго ученія и отъ какой-то болѣзненной страсти дѣлать частыя и дальныя переселенія. «Здѣсь, говоритъ его другъ и ученикъ, и покой жизни своея воспріялъ есть, идѣже и нынѣ келія его видѣти есть.

«Се покой мой въ вѣкъ вѣка—говориль Корнилій брати. Здѣ вселися, яко тако Богъ изволи».

«И прирече: послѣднюю келію Корнилій строить. Благословиль же и другихъ двѣ келіи ставить, И жили лѣтъ съ восемь».

Изъ дальнѣйшихъ судебъ его Пахомій разска-

зываетъ еще многое. Изъ товарищей Корнилія, особенно указываетъ онъ на одного аскетика, явившагося къ Корнилію лѣтъ черезъ пять. Старца этого звали Виталиемъ. Виталій этотъ, «имѣя птичье житіе», любилъ ходить отъ келіи до келіи. Если кто давалъ ему пищи—онъ принималъ ее, если кто не звалъ его два или три дня къ трапезѣ — онъ не просилъ; и все время упорно молчалъ, такъ что нѣкоторые считали его даже нѣмымъ отъ рожденья. Если слышалъ про тѣхъ, которые не хорошо живутъ или сквернословятъ, отвѣчалъ всѣмъ и всегда одно: «то дѣло не наше, не къ намъ пришло; тогда надобно внимать, какъ къ намъ придетъ». Для сна и молитвы любилъ выбирать какой нибудь чуланъ или укромное мѣсто; псалтырь читалъ про себя; все свое носилъ въ кошелѣ: при себѣ *оставить было нечего*. Однажды Пахомій спросилъ про Виталія у Корнилія: кто онъ и откуда?

— Виталій родомъ изъ-за Москвы, былъ нѣкогда знатнымъ бояриномъ, и у прежнихъ царей на службѣ въ великой чести и славѣ. Имѣлъ нѣсколько ранъ и былъ славный поединщикъ и

храбрый воинъ. Оставивъ миръ и славу его, поселился въ монастырѣ на рѣкѣ Сунѣ, у старца Кирилла. Бѣгая на Сунѣ отъ людей, ознобилъ онъ себѣ ноги такъ, что у него отвалились пальцы на обѣихъ ногахъ.

На рѣкѣ Выгѣ жилъ Виталій потомъ два года и умеръ въ лѣсу, по правую сторону рѣки, въ четырехъ верстахъ ниже Данилова (Даніила Видулова) общежительства.

Изъ послѣдующихъ событій, случившихся на рѣкѣ Выгѣ, Пахомій указываетъ на голодъ, когда позябъ хлѣбъ и всякая овощь. Голодъ и его послѣдствія продолжались круглый годъ.

Продолжая житіе Корнилія, Пахомій сообщаетъ далѣе все то, что рассказывалъ ему самъ Корнилій, но безъ всякаго логическаго порядка и, вѣроятно, по мѣрѣ того, какъ ему все это рассказывалось самому.

Нѣкогда—говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ— когда Корнилій былъ еще въ Москвѣ, и когда всѣ противники Никона (въ числѣ 10-ти чловѣкъ) ⁽⁸⁾, собрались въ домъ одного боярина,

⁽⁸⁾ Совѣтъ этотъ составляли: архимандритъ покровскій

«потаеннаго христiянина, обаче боголюбца, крыющагося гоненiя ради» для совѣта, положено было: всего нововведеннаго отложить и все это предать клятвамъ и анафемамъ («тяжко порицательно устроивша соборъ»); «Никонiанское нынѣшнее крещенiе за крещенiе не вмѣнять, а если не случится iерея прежняго посвященiя, то по нуждѣ дозволить совершенiе обряда крещенiя простолюдину (на основанiи наставленiй св. Никифора патрiарха, Иринея, блаженнаго Августина и номоканона).

Разъ, когда Корнилiй былъ не подалеку отъ того мѣста за Москвою, гдѣ простолюдинъ крестилъ татарина и отдыхалъ передъ огнемъ въ лѣсу одинъ и пѣлъ повечерiе, явились 35 чловѣкъ разбойниковъ. «Осмотрѣвши въ кошелъ моемъ (разсказывалъ Корнилiй) и видѣвши небольшiя нужныя мнѣ книги и случившiяся тутъ повѣсти о спасшихся разбойникахъ, а денегъ только десять алтынъ, атаманъ велѣлъ мнѣ чи-

«отъ убогихъ» Спиридонъ, соборные протопопы Аввакумъ и Данилъ, игумены: Досиѣей и Капитонъ, священникъ Лазарь, дьяконъ Теодоръ, монахи: Авраамiй, Исаи и Корнилiй.

тать книги. Читалъ я имъ всю ночь; атаманъ слушалъ внимательно и наконецъ прослезился, примолвивъ: «отъ сего дня перестану я разбойничать, а ты, отче, ступай съ миромъ и не бойся». И далъ мнѣ еще сверхъ того милостыню, примолвивъ: «блаженны вы есте».

«Другой разъ, рассказывалъ Корнилій, случилось мнѣ заночевать у одной вдовы, красивой лицомъ и не старой возрастомъ. Она пустила меня, но сказала: «хотя пущу ночевать, да спать тебѣ со мною». Я рѣшился ночевать за крайней непогодю: дулъ сильный вѣтеръ со снѣгомъ. Легъ я на мѣсто и уснулъ, хозяйка пришла и легла ко мнѣ, понуждая на дѣло блудное. Я отсымалъ ее отъ себя и поучалъ о спасеніи души ея и едва успѣлъ уговорить ее, увѣривъ что «крѣпости плотскія на это дѣло не имамъ. Тогда бо ми еще средовѣчіе имѣвшу, и яко во огни въ страсти сея горящу».

Изъ послѣдующаго разсказа о жизни Корнилія видно, что онъ послѣдніе годы своей жизни посвятилъ исключительно догматическимъ бесѣдамъ съ окрестными крестьянами: училъ ихъ

и уговаривалъ иночествовать, «дѣвственное и цѣломудренное, *безженное* и постническое житіе проходити»; *иныхъ училъ грамотъ, желающихъ постригалъ*; другихъ «покрещиваше» (т. е. *перекрещивалъ*). Когда слышалъ о тѣхъ, которые сообщались съ *никонианами* въ моленіи, пицѣ или питѣ, то не совѣтовалъ своимъ учкамъ имѣть съ ними общеніе до тѣхъ поръ, пока не придуть въ раскаяніе и не покаются. «Егда же кого наказоваше, — противу страсти цѣлѣбу приношаше: горделивыхъ страха — отпаденіе сатаны отъ Бога; сластолюбивымъ — Еввино лакомство; сребролюбивымъ — Юдино отпаденіе Владыки Христа; аще ли отъ добраго житія ослабѣвающимъ — Лотову жену привождаше; блудно живущимъ — содомское гореніе воспоминающая. И просто рещи, аще и книгъ мало имѣя, но самъ весь книга бѣше. Время проводилъ въ молитвѣ и трудахъ. Самъ рубилъ лѣсъ и когда друзья его говорили ему: «можно того дѣла и миновать» — онъ отвѣчалъ: «писано есть: праздный да не ястъ, и проклятъ есть тунеядецъ». Ълъ скудно, по большей части постное, либо

рубленную рѣпу съ солью и квасомъ; рыбу позволялъ себѣ только въ указные дни и во время странствій (далѣе въ житіи слѣдуетъ порядокъ его молитвъ, по часослову).

Сюда же на Выгъ-рѣку пришелъ къ нему изъ сосѣдняго Тѣлвуйскаго-погоста (за 12 верстъ отъ его келіи), человекъ, именемъ Захарій, съ двумя еще молодыми племянницами. Корнилій крестилъ ихъ и за тѣмъ часто навѣщалъ Захарія. Съ той поры Захарій сдѣлался извѣстенъ всему окрестному люду, какъ наставникъ и просвѣтитель. Къ нему стали многіе являться за совѣтомъ и крещеніемъ. Умножившееся число скитниковъ побудило Захарія построить часовню Богоявленія.

За тѣмъ главнымъ попеченіемъ Корнилія было учрежденіе общежитія. Не одобряя особьяденія и пьянства, онъ совѣтовалъ имѣть всѣмъ и все общее, обѣщая, что «они тогда пшениый хлѣбъ за ржаной не воспримуть, и ржаной за ячменной не вознегодуютъ; мѣсто же распространится и прославится во всѣхъ концѣхъ. По умноженіи же поселятся съ матушками, и съ

дѣтками, и съ коровушками, и съ люлечками.

Почувствовавъ приближеніе смерти, онъ со- звалъ братію: Даніила назначилъ вмѣсто себя отцомъ и наставникомъ; Андрею приказалъ быть судьей и правителемъ общежительства. Всѣ они, и старецъ Сергій, пришли на ту пору изъ своихъ скитовъ нарочно и говорили:

— Оставляеши насъ, отче, сырыхъ въ сіе многмятежное и плача достойное время.

— Миръ Божій и благословеніе его на вѣки буди со всѣми вами!—отвѣчалъ имъ на это Кор- нилій, по свидѣтельству его біографа Пахомія.

И потомъ продолжалъ:

— Стойте въ преданномъ вамъ благочестіи, яко же пріяли есте и научистесь, тако и содер- жите—да возданіе благъ будущихъ не отпадете, иже уготова Богъ любящимъ его и хранящимъ законы его.

И опять говорилъ:

— Мирны будьте и любовны ко всѣмъ че- ловѣкомъ; кромѣ сея, никто же узритъ Бога.

И снова прибавилъ:

— Постоите въ преданномъ вамъ законѣ и пребудите непреложны; новыхъ еретическихъ преданій и ученій удаляйтесь, и никако не общайтесь имъ.

И заключилъ такъ:

— Испытайте паче всего учащее писаніе по апостолу, яко вы въ нихъ имате животъ вѣчный, и проч.

Наконецъ заключаетъ свое сказаніе Пахомій по обыкновенію всѣхъ слѣдующимъ образомъ:

«Примше же прощеніе и благословеніе, отъидоша: Даніило и Андрей съ братією во общежительство, Сергій же въ келію свою. По десяти же дней въ болѣзни тоя, преставися съ міромъ въ вѣчное блаженство, добро теченіе скончавъ, вѣру соблюлъ непорочну и неущерблену; прочее по апостолу соблюдаетмися вѣнецъ правды, его же воздасть ми Господь въ день онъ, не точію мнѣ, но и всѣмъ возлюбльшимъ его. Преставися же отецъ Корнилій, во глубочайшей старости, сый 125 лѣтъ, лѣта 7203 (1695), марта 30, въ великій постъ, на страстной не-

дѣлъ. Въ чемъ слава совершителю Христу Богу нашему во вся вѣки, аминь.

Обязавши себя исключительно внимательнымъ и подробнымъ разборомъ предлагаемаго житія, мы имѣли въ виду представить — между прочимъ — и образчикъ сочиненія всѣхъ подобнаго рода повѣстей о житіи первыхъ поборниковъ и наставниковъ въ старообрядствѣ. Сдѣлали мы это какъ для того, чтобы уже въ другой разъ къ нимъ не возвращаться, такъ въ особенности и по той положительной причинѣ, чтобы оконченіе и подробнѣе могъ выясниться этотъ образъ полуграмотнаго, не высокаго чиномъ и званіемъ раскольничьяго учителя, случайно ставшаго въ ряду такихъ сильныхъ эрудицій, съ крѣпкою силою воли и удивительнымъ постоянствомъ, каковы протопопъ Аввакумъ, епископъ коломенскій Павелъ, Андрей Денисовъ Поморнинъ и другіе многіе. Во всякомъ случаѣ, пономарю Корнилию принадлежитъ не малая честь и великое право называться однимъ изъ первыхъ основателей общежитій въ томъ углу Россіи, гдѣ протекала порожистая, лѣсная рѣка

*

Выгь. Скиты по рѣкѣ этой, сильные матеріальными средствами, богатые людьми съ крѣпкой волей и характерами, впоследствии занимали одно изъ главнѣйшихъ мѣстъ въ ряду другихъ раскольниковыхъ заселеній по Россіи. Отсюда шли и идутъ до сихъ поръ тѣ рукописные сборники, которые, со времени ослабленія львовской (лембергской) типографіи, служатъ замѣною печатныхъ книгъ и великимъ подспорьемъ къ утвержденію и скрѣпленію плотныхъ узъ старообрядскихъ толковъ и раскольниковяго братства. Сюда, въ выгорѣцкіе скиты, бѣжалъ и находилъ радушный пріютъ весь людъ, преслѣдуемый законами и правительствомъ: и бѣглый арестантъ изъ Сибири, и разбойникъ, и казнокрадъ изъ тюрьмы, и не терпимый за крайнія беззаконія монастырскій служба, пьяные бѣлый и черный попь, и проч. Сюда, въ выгорѣцкіе скиты, перешла большая часть тѣхъ несмѣтныхъ богатствъ, которыя некуда было дѣвать, расторговавшимся купцамъ людныхъ и торговыхъ русскихъ городовъ. Здѣсь, въ выгорѣцкихъ скитахъ, корень и начало всѣхъ тѣхъ стран-

ныхъ сектъ, которыя не въ рѣдкость по весьма многимъ мѣстамъ Россіи: здѣсь были морельщики, самосжигатели, хлысты, скопцы, дѣтубійцы, и прочіе изувѣры. Отсюда, изъ выгорѣцкихъ скитовъ, вышли огромныя толпы проповѣдниковъ, которые разбрелись потомъ во множествѣ по всей Россіи, ближней и дальней. Отъ этихъ наконецъ выгорѣцкихъ скитовъ, въ самое короткое время распространился расколъ, который успѣлъ охватить весь огромный сѣверъ Россіи, начиная государственною границею нашею съ Швеціею и оканчивая дальними предѣлами Сибири съ Китаемъ и сибирскими инородческими племенами. Но обо всемъ этомъ по частямъ и подробно мы предполагаемъ говорить въ отдѣльныхъ статьяхъ далѣе. На первыхъ порахъ полагаемъ достаточнымъ познакомить съ этимъ Корнилиемъ. Не громко вель онъ свои дѣла, но въ тишинѣ дѣлалъ большое дѣло и во всякомъ случаѣ высоко чтимъ раскольниками, которые до сихъ поръ съ великимъ наслажденіемъ читаютъ повѣсть о его житіи, предлагаемую теперь нами.

Въ концѣ ея написано слѣдующее:

«Сію же повѣсть и житіе писалъ, изъ самыхъ устъ отца Корнилія слышащи, сожитель его инокъ Пахомій, живый на Выгу рѣцѣ. Отъ него же и постриженъ бысть во иночество 12 лѣтъ. И еже слышахъ, тако и написахъ отъ истины въ пользу слѣшающимъ и чтущимъ душамъ и въ наслажденіе живота вѣчнаго».

Перейдемъ теперь по порядку къ перечисленію и подробностямъ всѣхъ тѣхъ обвиненій, которыя возлагали на Никона его противники. Всѣ они собраны въ одну книгу, случайно попавшую намъ въ руки (на рѣкѣ Печорѣ, въ слободѣ Пустозерскѣ), которой мы и будемъ слѣдовать.

II.

ПАТРИАРХЪ НИКОНЪ.

«Понеже убо по древлецерковнѣмъ, отеческомъ благочестіи аще и гѣрячею жалостію снѣдаемъ есмь и рачуся приступити къ повѣсти о бывшемъ искоренителѣ того православія сказати хотящей. Но къ лютоści того томителя взирая, боюся бесѣдою моею съ коварными его умышленіями сплестися, ибо той единъ, злобою своею и коварствомъ, преодолѣ всю Россію, яко преимущія сладко-увѣщательными бесѣдами лестію помазанными, тако вельможныя высокихъ честей и даровъ награжденіями. Сиде ничтожныя грозами и муками утомивъ, побѣди и подобнымъ себѣ новолюбителемъ на вся хранители святоотеческихъ законовъ и обычаевъ врата хулы и

томленія отверзе. И что сотворити—не вѣмъ: молчаніемъ ли желаемую многими слышати повѣсть покрыти, или преданную намъ отъ отецъ нашихъ бесѣду предъ очима чтущихъ и предъ ушима слышащихъ поставити, обаче убо надѣяся на молитвы пострадавшихъ за благочестіе ревнителей, начинаю слово путемъ повѣсти текущее».

Такимъ витіеватымъ приступомъ начинаетъ Андрей Поморянинъ Денисовъ, сильно искусившійся въ риторическихъ тропахъ и фигурахъ, свою: *Повѣсть о рожденіи, и воспитаніи, и о житіи и кончинѣ Никона, бывшаго патріарха московскаго и всея Россіи, собранная отъ многихъ достовѣрныхъ повѣствователей, бывшихъ во дни отецъ нашихъ.*

Но на сколько хитроплетень приступъ, на столько же просто и безхитростно все дальнѣйшее теченіе повѣствованія. Сухо и кратко излагаетъ онъ всѣ извѣстныя ему событія въ жизни Никона и въ этой краткости можно уже отчасти видѣть правдивость его словъ, по крайней мѣрѣ на столько, сколько позволяли ему рассказы

противниковъ патріарха. Невоздерженъ онъ и
впадаетъ въ пагосъ (большою частію браннаго
характера) въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ дѣло касалось
исповѣданія и дѣлъ церковныхъ. Измѣняя обще-
му плавному теченію рѣчи своей, онъ и тутъ
остается вѣренъ себѣ по крайней мѣрѣ на
столько же, сколько позволяли ему давній на-
выкъ и долгое умѣнье обращаться съ перомъ и
бумагою. Андрей Денисовъ, какъ извѣстно, одинъ
изъ плодovitѣйшихъ раскольничьихъ писателей.
У него нѣтъ той глубины пониманія и той гро-
мадной начитанности, которая сквозитъ изъ
каждой строки другаго плодovitаго расколь-
ничьяго писателя — протопопа Аввакума, но за
то по всюду та же смѣлость въ выводахъ, та же
рѣзкость и невоздержность въ бранныхъ выра-
женіяхъ. Нѣсколько спокойнѣе и замѣтно умѣ-
реннѣе стали позднѣйшіе старообрядцы-писа-
тели — и понятно: у первыхъ, помимо противо-
борства ихъ убѣжденіямъ, противоборства силь-
наго, поддерживаемаго правительствомъ и одер-
жавшаго побѣду, примѣшивалось сверхъ того
оскорбленное до глубины души чувство само-

любія, — самолюбія, которое только и могло высказаться безсильною, хотя и крутою бранью. Мы беремъ на себя трудъ положить, впоследствии, разницу между тѣмъ и другимъ раскольничьимъ писателемъ, между Андреемъ и Аввакумомъ, но теперь переходимъ прямо къ разбору сочиненія перваго, именно къ его повѣсти о патріархѣ Никонѣ.

Никонъ — по словамъ этой біографіи родился 1613 года, мая 21, во вторникъ, въ предѣлахъ Нижняго-Новгорода, въ селѣ Вельдемановѣ (или Курмышовѣ), отъ бѣдныхъ родителей: отца Мины, матери Маріамини и названъ былъ при крещеніи Никитою.

По смерти матери, взяла его къ себѣ какая-то Ксенія, которая воспитала его и научила («извыче») грамотѣ.

Черезъ нѣкоторое время, онъ ушелъ въ монастырь Макарія-Желтоводскаго и, живши тамъ, сдружился съ монастырскими служками (клириками). Разъ шелъ онъ съ ними въ другой монастырь «прогулу ради», и случилось имъ заночевать у какого-то татарина, ремесломъ колду-

на, умѣвшаго предсказывать каждому будущее. «Волхвуй скверною своею бѣсовскою книгою и палицею», татаринъ предсказалъ Никитѣ быть государемъ великимъ. Никита ушелъ, не повѣривъ словамъ татарина.

По смерти отца, взялъ онъ къ себѣ жену «яже бѣ пѣнчива и оплазива». Съ нею жилъ онъ въ какомъ-то селѣ священникомъ, по избранію жителей, «но для непостоянства своея жены, бѣжалъ въ Москву и на нѣкоемъ монастырскомъ подворьѣ, отъ нѣкоего скитающагося инока, пострижеса и преименованъ бысть Никонъ» (9).

«И тако скитаяся, прииде на островъ Анзерской-пустыни, иже стоитъ на Бѣломъ морѣ, близъ отока Соловецкаго, и тамо пребываша во ученичествѣ у начальника тоя обители, старца богодухновенна и свята, именемъ Елеазара, иже согради екитъ той и жительство въ немъ состави» (10).

(9) Несправедливо. Никонъ постригся на Анзерахъ. Жену, по свидѣтельству Ивана Шушерина, уговорилъ идти въ московскій Алексѣевскій-монастырь. Жили они вдвоемъ десять лѣтъ и имѣли трохъ дѣтей, которыя всѣ умерли.

(10) «Келія отъ келіи на два поприща отстояше и по еди-

Слѣдуетъ пророченіе Елеазара, приведенное нами въ предъидущей статьѣ, и затѣмъ кратко послѣдующія событія изъ жизни Никона.

Никонъ черезъ три года оставляетъ Анзерскій-скитъ, по ненависти къ нему Елеазара и поселяется въ Каргопольскомъ-уѣздѣ, въ Кожеозерской-пустынѣ ⁽¹¹⁾. Здѣсь живетъ онъ три года, и имѣя случай, ради монастырскихъ потребъ, бывать въ Москвѣ, дѣлается тамъ извѣстенъ самому царю Алексію Михайловичу и святѣйшему патріарху Іосифу. *Но чрезъ какія представленія? автору не вѣдомо.* Въ Москвѣ дѣлаютъ его архимандритомъ въ Спасовъ-монастырь на Новое ⁽¹²⁾. Царь поручаетъ ему ному брату въ келіи живяху; всѣхъ же баше братіи точію дванадцать—свидѣтельствуеть Шушеринъ.

⁽¹¹⁾ Бѣжить онъ, по словамъ Шушерина, съ другимъ монахомъ, въ маломъ карбасѣ. На морѣ была буря, странники едва не потонули, но пристали къ острову Кію, гдѣ Никонъ поставилъ крестъ, по обычаю всѣхъ мѣстныхъ жителей. Братія Кожеозерской-пустыни упростила его пойти въ Новгородъ. Здѣсь митрополитъ Афоній посвятилъ его въ игумены той же пустыни. (Обстоятельство, старообрядцами пропущенное).

⁽¹²⁾ «И тако возлюбилъ его царь, еще прибавляетъ Шушеринъ, яко повелѣ ему приѣзжати по вся пятки къ нему, государю, въ верхъ, къ утрени».

каждую пятницу подавать прошенія *отъ обиженныхъ къ его царскому величеству, и сіе исполняя, прославися предъ народомъ, яко истинный пастырь и отецъ обидимыхъ.*

«Дивится же и сему достойно, (продолжаетъ затѣмъ Андрей) како таковой скверный сосудъ на толь высокія степени восходити начинаше. Понеже убо и первіе не святой прозорливый мужъ, но волхвъ-татаринъ, сѣдящимъ въ немъ, пытливымъ діавольскимъ духомъ надхненъ, нареклъ его быти великимъ государемъ. Потомъ преподобный Елеазаръ анзерскій, въ служеніи люторгіи, не голубя на немъ сѣдѣща видѣ, яко же древле Флавіанъ патріархъ на Іоанновѣ главѣ Златоустаго, но змія черна, страшна и велика, около выи его обвившяся. Хотящія ли впредь быти добродѣтели его, къ таковому великому его сану ждущія, но богоотступная его святыхъ образовъ Спасова и Пречистыя Богородицы скверными его ногами попранія и проч.»

Между тѣмъ оставляетъ новгородскій митрополичій престоль Афонія за старостію лѣтъ, безпамятствомъ и слѣпотою, и живетъ въ Спас-

скомъ-монастырѣ на Хутынѣ. Въ 1639 году на его мѣсто назначается Никонъ ⁽¹³⁾, который спѣшитъ, вскорѣ по принятіи престола, навѣстить покоившагося на Хутынѣ Афонію: пришедь въ келію, просилъ благословенія.

— Кто ты и откуда, и како нарицаешия? спросилъ Афонія (ибо глазами уже не видѣлъ онъ въ то время).

— Азь есмь владыко Никонъ, митрополитъ новгородскій.

Вздохнулъ Афонія «вельми отъ всея души» и сказалъ:

— Приде же время, яко и Никонъ въ митрополитахъ ⁽¹⁴⁾.

И потомъ прибавилъ:

— Но воли Божіей оставляемъ о насъ полезная предусмотряти.

Когда Афоній былъ близокъ къ концу, то

(13) При описаніи этого событія, авторъ разразился такою бранью, которой не мѣсто въ печати.

(14) Шушернинъ иначе рассказываетъ это событіе: когда Никонъ просилъ благословенія Афонія, слѣпой митрополитъ, назвавши Никона патриархомъ, самъ просилъ его благословенія.

онъ заповѣдалъ близкимъ своимъ призвать другаго архіерея, изъ другой епархіи, для погребенія тѣла его, а не Никона, примолвивъ:

— Зане Никонъ врагъ есть Божій.

Такъ утверждалъ знакомый уже намъ Корнилій, который, какъ извѣстно, перешелъ изъ келейниковъ умершаго Афонія въ келейники къ Никону.

«Никонъ же сѣдя на престолѣ премудрости Божія (продолжаетъ житіе) — и первѣ повелѣ написать образъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, имѣющу въ нѣдрахъ младенца всего совершенна. Тако же и раздѣленно-рѣчное древнее знаменное пѣніе презирати нача, вмѣсто же того повелѣваше пѣти нарѣчное и потомъ не убоися вводити греческое и кievское партесное многоусугубляемое пѣніе. Еже слышавъ святѣйшій Іосифъ патріархъ, воспрещаше ему о томъ. Обаче Никонъ помогаемъ бываетъ самодержцемъ и духовникомъ его Благовѣщенскаго-собора протопопомъ Стефаномъ Вонифантіевымъ, и того ради не повиновашеса патріарху» (15).

(15) Царь Алексѣй Михайловичъ, говоритъ Шушеринъ, по

Въ 1647 Никонъ съ княземъ Иваномъ Никтичемъ Хованскимъ ѣдетъ въ Соловецкій-монастырь за мощами св. митрополита Филиппа ⁽¹⁶⁾. Посѣщая темницы тамошныя, Никонъ входитъ въ тотъ казематъ, гдѣ заключенъ былъ монахъ Арсеній Сухановъ, сосланный сюда патриархомъ Іосифомъ. Арсеній привѣтствуетъ Никона такими словами:

— Святѣйшій патриархъ Никонъ, благослови.

совѣту духовника своего, Стефана Вонифаньева, самъ завелъ у себя тоже греческое и кievское пѣніе. Изъ времени пребыванія Никона въ Новгородѣ, старообрядцы опускаютъ еще одно весьма важное обстоятельство, которымъ тотъ же Шушеринъ дополняетъ свое сказаніе. Никонъ велѣлъ приставнику своему Василю Вавилъ, въ погребной палатѣ своей, кормить каждый день по 100, по 200 или 300 нищихъ. Этотъ Василій Вавила (ходившій босымъ, лѣтомъ и зимою) осматривалъ у нищихъ кресты; немущимъ давалъ свой.

(16) Старообрядцы еще забываютъ одно событіе. Шушеринъ говоритъ о немъ такъ: «Бывшимъ на моріи таковое волненіе воскипе, яко ни единой ладіи остатися, но вси разбиени быша, обаче людіе отъ потопленія спасашся, тоію една ладія, въ ней же бяше діякъ съ прочими, безвѣстно погibe. Никонъ же, на ины суды съѣдъ, Соловецкаго-монастыря дестиже».

— Всяко соблазнился еси о мнѣ, о человѣче, нарицаая мене тако! отвѣчалъ ему Никонъ. Нѣсмь бо патриархъ, но митрополитъ новгородскій.

Арсеній продолжалъ его называть патриархомъ и просилъ:

— Да егда будеши возведенъ на патриаршій престолъ великія Россіи, вспомяни мене въ славу твою и изведи отъ мрачныя сія темницы.

— Аще сія сбудется, отвѣчалъ ему Никонъ, то исполнено будетъ прошеніе твое.

Пока былъ Никонъ въ Соловкахъ, умеръ патриархъ Іосифъ и на срѣтеніе мощей св. Филиппа, съ царемъ Алексіемъ, вышелъ уже митрополитъ ростовскій и ярославскій Варлаамъ, исполнявшій чреду святительскую еще при Іосифѣ, но старый лѣтами и болѣзненный до того, что тутъ же, на мѣстѣ принятія мощей, сѣлъ въ кресла и умеръ ⁽¹⁷⁾.

Далѣе приводится опять извѣстное уже намъ видѣніе старцемъ Симеономъ пестраго змія, обвинившагося вокругъ палаты грановитой.

(17) Какъ раскольники, такъ и Шушеринъ, по случаю ско-

Юля 25-го Никонъ возведенъ былъ на патриаршій престолъ. «И сый на престолъ—прибавляетъ Андрей Денисовъ—по седми тысящахъ лѣтѣхъ прикрываетъ своя звѣринья острыя ногти овчія кротости кожею и входитъ во всероссийское христіанское стадо» и затѣмъ хладнокровно, и даже съ нѣкоторымъ какъ будто сочувствіемъ описываетъ первыя дѣла патриарха: построение на озерѣ Валдаѣ Иверскаго монастыря, на Кій-островѣ Бѣлаго-моря — монастыря Крестнаго и Новаго-Іерусалима или Воскресенскаго монастыря, на рѣкѣ Истрѣ. И затѣмъ Андрей Поморянинъ, снова не сдерживаетъ своего хладнокровія, и продолжаетъ бранныя выходки, приступая къ тому дѣлу исправленія старопечатныхъ книгъ, которое затѣялъ вскорѣ Никонъ.

«Но не можаше, начинаетъ Андрей, сквернаго змія смертоносный ядъ въ сердцы лютаго того волка надолзѣ крытися, вспомянувъ убо лже-пророка своего, ссыльнаго чернца Арсенія, его же изъ Соловецкаго Лавиринеа, по обща-

ропостыжной смерти митрополита, прибавляютъ, что онъ умеръ «яко точію верженія камени».

нію своему испустити повѣль,—не яко отъ темницы узника, но яко видѣ инаго тайновидцемъ исходящаго изъ бездны, на поправіе православія звѣря. Его же вземъ, устрои его быти на печатномъ дворѣ справщикомъ. Той же окаянный Льва Саврянина и лжепророковъ его, богоубійць-жидовъ клеветь, надхненнѣй лютымъ латинскаго отступленія ядомъ, бысть богоотступнаго звѣря Никова, подобонавное ему во всякой новолюбительной лжи и дерзости любимое чадѣ» (18).

Затѣмъ кратко описываются событія, предшествовавшія открытію собора, самый соборъ, перечисляются противники исправленія; съ ненавистью, злостію и насмѣшками встрѣчаютъ

(18) Шушеринъ такъ говоритъ объ Арсеніи: «Послаше же (Никонъ) съ милостынею старца Арсенія Суханова во Афонскую-гору и во нѣя святія старожитныя мѣста да оттуду старописанныя книги притяжутъ. Той же принесе изъ святія горы Афонскія зело много древнихъ на греческомъ языцѣ писанныхъ книгъ, числомъ яко пятьсотъ. Еще же патриархи и нѣи мнози не менѣ двюсту различныхъ древнихъ святыхъ книгъ присла». Тотъ же Арсеній посланъ былъ патриархомъ въ Іерусалимъ для снятія подлинной мѣры храма Воскресенія, для Новаго-Іерусалима патриаршаго.

оя имя патріарха Паисія ⁽¹⁹⁾, упоминается о какомъ-то пророчествѣ какого-то старца Симеона. Припоминаются кстати свидѣтельства патріарховъ константинопольскаго Іереміи и іерусалимскаго Феодана о паденіи церквей восточныхъ,—и таковыя же Арсенія Суханова, монаха Сергіева монастыря, посланнаго на востокъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Наконецъ, приступаетъ авторъ къ перечисленію переменъ, «вновь положенныхъ новинъ», по выраженію. «О нихъ, (говоритъ онъ) здѣ показати потщуся: яко вмѣсто трисоставнаго креста Христова двочастный крестъ, а по древнимъ исторіямъ, именуемый римскій крыжъ во всѣхъ священнодѣйствіяхъ воображенъ имѣти. Вмѣсто двоперстнаго сложенія триперстнымъ знаменоватися, а пятиперстнымъ благословляти. Вмѣсто пишемаго и глаголемаго имени Спасова—Ісусъ, съ приложеніемъ и — Ісусъ глаголати.

(19) Той же александрійскій пардось (говоритъ Андрей)— посланіе Никоново, яко въкую сладчайшую поглотивъ снѣдь (издавна бо желаше Россію отъ благочестія облажати), и собираетъ свой соборъ, противный восточный древній католической церкви и составляетъ соборное дѣяніе.

Вмѣсто сугубыя аллилуйя, трегубое съ приглашеніемъ: «Слава тебѣ Боже» пѣти. Церковная же околотожденія противъ, а не по солнцу творити, и литургію на пяти, а не на семи просфорахъ служити повѣлевающія. Прочія же множайшая новины и перемѣны, яже въ тѣхъ книгахъ просыпа, ихъ же песка число превосходитъ, о тѣхъ нынѣ за краткость слова молчаніемъ претекаю». Слѣдуютъ нѣкоторыя опроверженія, которымъ здѣсь не мѣсто.

Приступая затѣмъ къ описанію полицейскихъ мѣръ, принятыхъ правительствомъ при борьбѣ съ противниками, Андрей снова впадаетъ въ паѳосъ и продолжаетъ такъ: «Наполнишася абіе узилица узниковъ, огуствѣша улицы связанными исповѣдниками, обагришася спукуляторстїи бичи кровію страдальцевъ, възграша тѣхъ мѣчи на исповѣдническихъ выяхъ, покрышася площади казненныхъ мучениковъ тѣлесами. Не толикое убо множество заяцей, увязшихъ въ ловитвенныхъ тѣнетахъ видяшеся, елико повѣшенныхъ христіанъ за содержаніе благочестія зряшеся. Всякаго убо града поле подобообраз-

ную халдейской римскую мучительную печь на себя разженную лють ношаше и вметаемые въ ню, не азарины, но невѣсты Христовы церкви чады пожигаше» ⁽²⁰⁾. Среди этого описанія авторъ упоминаетъ о томъ, что многіе (особенно престарѣлые) предавали себя самопроизвольной смерти. Говоритъ далѣе о такихъ, которые, собравшись въ какомъ нибудь домѣ, при появленіи преслѣдователей, сжигали себя; нѣкоторые, говоритъ онъ, сжигались даже по одиночкѣ, или топились, и даже убивали себя какимъ-либо острымъ оружіемъ.

Заключая эти описанія словами: «И о семъ убо до здѣ слово мое простресея», Андрей продолжаетъ далѣе такъ: «Что же начну о страшнемъ семъ звѣрѣ, изшедшемъ изъ бездны отступленія, о Никонѣ глаголю, неусыпномъ ка-

(20) Между многими орудіями казни бичами, клещами, тряками, плахами, мечами и срубами, авторъ останавливается на желѣзныхъ хомутахъ. «Хомуты, говоритъ онъ, притягающія главу, руцѣ и носъ во едино мѣсто, отъ котораго злѣйшаго мучительства, по хребту лежащія кости по составомъ сокрушася; кровь же изъ устъ, и изъ ушей, и ноздрей, и изъ очію болѣзненно излавлиющися течаше».

волическаго благочестія гонителѣ. Яко убо узрѣ римскую блудницу, сѣдѣющую на змѣи чермицѣмъ, упоену уже кровью святыхъ исповѣдниковъ, играше мыслію своею и глаголаше безумный, въ сердцѣ своемъ: нѣсть Бога и яко не искуснъ Богъ имѣти въ разумѣ. Сего ради предаде его Богъ въ неискусенъ умъ творити неподобная. По вся бо дни утучнѣвая себя питаешся, яко волъ на заколеніе. Вся же человѣческія души, лестыми и томленіемъ поѣдая, снѣдаше въ хлѣба мѣсто, и тако убо живый пребываше не яко пастырь, но яко волкъ и наемникъ».

Затѣмъ слѣдуетъ разсказъ Кирика о стелькахъ въ башмакахъ патріарха съ изображеніемъ образа Спасова и Богородицы ⁽²¹⁾, и подобныя же разсказы другаго Никонова келейника Андреяна, а ипподьяконъ Ѳеодоръ увѣрялъ даже,

(21) Авторъ въ этомъ мѣстѣ пишетъ такъ: «Узрѣ (т. е. келейникъ Кирикъ) нѣкогда (охъ грозы нестерпимые, рвущія повѣствующій языкъ мой отъ гортани!) въ бархатныхъ его патріаршихъ башмакахъ, на одной стелькѣ вышито распаніе Господа нашего Іисуса Христа, а на другой (увы лютаго страха, отъемлющаго отъ ума моего память!) вышить образъ Пресвятыя Богородицы воплощенія».

что видѣлъ подъ постелею патріарха образъ распятія Господня. Этотъ же дьяконъ Ѳеодоръ, сожженный впоследствии съ Аввакумомъ въ Пустозерскѣ въ срубѣ, говоритъ многое о содомствѣ патріарха. Но этому описанію не мѣсто въ печати. Монахъ Нафанаилъ (кіевлянинъ родомъ) былъ уставщикомъ у Никона. Разъ патріархъ говорилъ ему:

— При святомъ крещеніи, въ отреченіи сатаны, не подобаеъ на него плевать, ибо не знаючи у насъ то творять.

Нафанаилъ началъ съ нимъ спорить, говоря одно:

— Подобаеъ.

И послѣ долгихъ споровъ, сказалъ:

— Азь плюю и на того, кто и за сатану стоить.

Разсерженный Никонъ приказалъ Нафанаила бить плетьюми и сослалъ его потомъ въ созданный имъ новый монастырь Крестный. Здѣсь Нафанаилъ рассказывалъ старцамъ, что Никонъ Христа ради-юродивыхъ называлъ бѣшенными и не велѣлъ ихъ писать на иконахъ.

Григорій Нероновъ, жившій при патриаршемъ дворѣ свидѣтельствовалъ, что Никонъ называлъ преподобнаго Евфросина псковскаго за двойственную аллилуйя дуракомъ, въ соборной церкви, при многихъ властяхъ. Тогда же Юсифа волоколамскаго ругалъ и всячески злословилъ, называлъ ябедникомъ и тогда же многихъ святыхъ исключилъ изъ помяновенія «и тако объюродѣвъ, яко и въ царскомъ домѣ дерзну сотворити нѣчто не подобное. Увѣдавъ же о семъ самодержецъ, искаше време подобна како бы его суду предати, и гнѣвашеся нань зѣло, яко и въ великія празники въ соборную Успѣнія Пресвятыя Богородицы церковь не хождаше» (22).

Никонъ, увидѣвъ гнѣвъ царскій, іюля 10-го 1667, въ праздникъ Положенія ризы Господни, совершивши литургію въ Успенскомъ-соборѣ, снялъ съ себя святительскія одежды, поставилъ жезлъ на патриаршемъ мѣстѣ и во всеуслышаніе сказалъ слѣдующее:

— Аще отселъ буду я патриархъ московскому государству, буду я проклять.

(22) То же самое подтверждаетъ и Иванъ Шушеринъ.

И плюнувъ три раза, вышелъ изъ храма. Затѣмъ отправляетъ къ государю посланіе съ просьбою дать ему келью на пребываніе.

Царь посылаетъ къ нему князя Алексѣя Никитича Трубецкаго, съ допросомъ: зачѣмъ онъ оставляетъ престолъ патріаршій?

— Яко вѣдый своя, яже къ Богу согрѣшенія и многихъ ради грѣховъ моихъ начаша быти здѣ въ Россіи многіе моры и войны, и вся злая, и того ради престолъ оставляю! отвѣчалъ Никонъ и уѣхалъ въ Воскресенскій-монастырь. «Пребывая же тамо перваго смрада гнусными мотылами помазоваше скверное свое еретическое волшебное тѣло, и пѣніе партесное пѣти устави» (23).

Вскорѣ Никита Зюзя, «хотя въ большой стыдъ ввести и царскую ярость паче воспалити», присылаетъ къ патріарху посланіе, какъ будто пи-

(23) «И возложи на ся вериги желѣзны, и впадѣся посту и воздержанію; пребывая же Никонъ въ Воскресенскомъ-монастырѣ, по вся дни по литургіи молебень поаше пресвятѣй Богородицѣ греческимъ рѣченіемъ и согласіемъ; и еще къ тому же приложи стихѣры Пресвятѣй Богородицѣ кievскимъ согласіемъ, россійскимъ же рѣченіемъ», добавляетъ Шумеринъ.

санное по царскому повелѣнію, приказывая ему возвратиться на престоль. Никонъ, «яко изъ младенчества славолюбіемъ поглощенный», поспѣшаетъ въ Москву, но остановленный стражами у Смоленскихъ-воротъ, отвѣчаетъ чрезъ служителей своихъ, что идутъ-де власти Савинскаго-монастыря.

Войдя въ соборъ во-время заутрени ⁽²⁴⁾, онъ вошелъ на патриаршее мѣсто, взявъ жезлъ въ руки и началъ благословлять. Первымъ подошелъ подъ его благословеніе слѣпецъ Іона, митрополитъ Ростовскій, и за тѣмъ другіе.

Услыхавъ обо всемъ этомъ, царь приказалъ ему возвратиться въ Воскресенскій-монастырь. Никонъ исполняетъ повелѣніе, но беретъ посохъ митрополита Петра съ собою. На дорогѣ посохъ этотъ отнять былъ у него ⁽²⁵⁾.

⁽²⁴⁾ «Въ стихологіи первая каѳизма, прибавляетъ Шустеринъ, оправдывающій боярина Зюю тѣмъ, что онъ послалъ свое посланіе, желая примирить патриарха съ царемъ.

⁽²⁵⁾ Шустеринъ при описаніи этого событія говоритъ такъ: «Никонъ же, возсѣдая въ сани свои, отрясе прахъ отъ ногъ своихъ, глаголя Господни словеса:» идѣ же не пріемлютъ васъ исходяще изъ града того, и прахъ прилѣпшій къ но-

Въ слѣдующемъ году пріѣхали по приглашенію царя патріархи: александрійскій Паисій и антиохійскій Макарій. На пріѣздъ ихъ, царю уже извѣстно было все про Никона, чрезъ двухъ новокрещенныхъ евреевъ, жившихъ у патріарха въ служеніи. Первый предательствовалъ чрезъ Даниїла (тоже еврея), аптекаря царской аптеки. Узнавши объ этомъ, Никонъ, подъ плетью спрашивалъ его, но еврей не сознался, и былъ заключенъ въ тюрьму. Боясь въ свою очередь за себя, другой еврей, товарищъ перваго, убѣжалъ въ Москву и здѣсь закричалъ: «за мною слово государево». Приведенный къ царю, онъ огласилъ, что Никонъ взялъ ихъ женъ къ себѣ на блудъ. Царь приказалъ евреевъ этихъ, съ женами и съ дѣтьми, отдать за стражу въ Чудовъ-монастырь, на конюшній дворъ. Но «они жидове и со стражею безъ вѣсти погибоша» ⁽²⁶⁾.

гамъ вашимъ отрясите, по свидѣтельству на ня. Сего ради и прахъ прилѣпшій отрясаемъ вамъ». Полковникъ же нѣкій глагола ему: «Мы убо прахъ сей подметемъ». Тогда Никонъ глагола ему: «размететь убо васъ сіи метла, явившаяся на небеси» (бѣ бо тогда звѣзда явившаяся комета).

(²⁶) Тоже самое сообщаетъ и Шушеринъ, обвиняя этихъ

Между тѣмъ, собранъ былъ соборъ ⁽²⁷⁾. Никонъ съ Арсеніемъ, новгородскимъ архіепископомъ, двумя архимандритами и полковникомъ стрѣлецкимъ Остафьевымъ, со стрѣльцами, приведенъ былъ въ Москву, на Архангельское подворье, въ Кремль (декабря 2-го ⁽²⁸⁾). Отсюда

евреевъ въ томъ, что они жидовствовали. Подробности же этого дѣла у Шушерина тѣ же самыя и почти слово въ слово.

⁽²⁷⁾ О пребываніи Никона въ Воскресенскомъ-монастырѣ (когда въ Россіи не было патриарха восемь лѣтъ и пять мѣсяцевъ) Шушеринъ свидѣтельствуеъ, что Никонъ вѣлъ всегда съ братією на трапезѣ, кормилъ странныхъ и пришельцовъ, и послѣ обѣда всѣмъ странникамъ умывалъ ноги. «Бяжу бо во оная времена—добавляетъ Шушеринъ — и раскольницы мнози, отъ нѣкоего ересеначальнаго чернца, глаголемаго Капитона, размножившіеся, и на него Никона за исправленіе книгъ многая хуленія глаголаху, нарицающе его антихристомъ. Тогда же царь государь, ревнуя по церкви, повсюду Капитоновъ и раскольниковъ онѣхъ всячески изыскиваше и пустыни ихъ еретическія жилища разоряше; самихъ же онѣхъ непокаряющихся, смертію, ранами и заточенми смиряше».

⁽²⁸⁾ Шушеринъ описываетъ подробности этого пути, какъ самовидецъ, и въ одномъ мѣстѣ говоритъ, что, когда въ попутномъ селѣ Черновѣ, явились ночью посланные отъ собора, съ повелѣніемъ идти туда, Никонъ отвѣчалъ: «охъ жи и неправды исполненныя! чесо ради повелѣваете быти въ йощи и съ малыми людьми, или убо такожде хотите удавити мя, яко же Филиппа митрополита?— было на то время часа три ночи».

взять былъ сначала подъякъ патриаршій, Иванъ Шушеринъ (авторъ житія) къ допросу, но Шушеринъ ничего не показалъ и былъ сосланъ въ Новгородъ, въ заточеніе ⁽²⁹⁾,

Потру, на другой день, приведенъ былъ и самъ Никонъ въ деревянную, столовую палату, при церкви Благовѣщенія. Онъ трижды поклонился царю ⁽³⁰⁾, вселенскимъ патриархамъ, церковному собору и затѣмъ царскому синклиту.

Царь сошелъ съ трона и подошелъ къ столу,

⁽²⁹⁾ Вотъ это мѣсто: «увратъ николаевскихъ повелѣша ми снати съ коня и отдать крестъ (Никонъ, по патриаршему обычаю, ѣхалъ предшествуемый крестомъ). Азъ же снідохъ съ коня и отдахъ крестъ Никону патриарху. Мене же взявше два стрѣльца, приведоша къ государю единому въ верхъ. Начать же великій государь вопрошати мя о невѣдомыхъ вещѣхъ, мнѣ же отрицающуся и ничто же вѣдати глаголющу. Великій же государь глагола ми: «Глаголи ты мнѣ нынѣ, аще же мнѣ не учнеши глаголати, а не мнѣ скажешь же; и будетъ ти сидѣти доколѣ и Богъ изволить». И абіе посаженъ былъ у тайныхъ дѣлъ и сидѣхъ 11 дней. Послѣ же отданъ былъ полковникомъ за крѣпкую стражу и сидѣхъ три лѣта и больше. Посемъ же сосланъ былъ въ Великій-Новгородъ, въ ссылку».

⁽³⁰⁾. Царь же стоя мало главу свою преклоняше, свидѣтельствуеть Шушеринъ.

за которымъ сидѣли патріархи, просилъ суда ихъ на Никона, приказывая спросить его: зачѣмъ онъ оставилъ престоль и паству, ушелъ въ монастырь, и зачѣмъ ругалъ нѣкоторыхъ архіереевъ и царскихъ совѣтниковъ? Никонъ отвѣчалъ грубостями, «яко лютый змій уязвляше государя словесы нелѣпыми, ими же утруждаше лють его царскую душу, которыми его тяжкими грубостями понемалу утрудился», царь приказываетъ его безчестно вывести подъ карауломъ и не давать ему ни пищи, ни питья ⁽³¹⁾.

12-го декабря снова былъ собранъ соборъ

⁽³¹⁾ Три дня дѣйствительно не ѣлъ Никонъ, не принимали пищи и его приставники. Патріархъ просилъ сотника донести объ этомъ царю и дать свободу входить и выходить его людемъ за потребнымъ. «Сотникъ же за настоящій страхъ не смѣ того сотворить». Никонъ тогда вышелъ «на высоту храмы своя» и закричалъ вслухъ всѣмъ, чтобъ возвѣстили царю, дабы не повелѣлъ всѣхъ голодною смертію поморить. Бояре доложили государю, и Алексѣй Михайловичъ поспѣшилъ прислать изъ дворца своего множество пищи и питья. Но Никонъ ихъ не пріялъ, сказавши: «Лучше есть зеліе асти съ дубовію, нежели телець упитанный со враждою». Слышавъ то, царь оскорбился и сказалъ патріархамъ, но къ Никону велѣлъ входить и выходить. Такъ продолжалось до 12-го декабря.

въ Чудовъ-монастырѣ, въ Благовѣщенской-церкви, надъ воротами, «въ притворѣхъ». Здѣсь предсѣдательствовали, кромѣ царя и двухъ патріарховъ, 13 русскихъ архіереевъ. Произнесено было рѣшеніе, которое состояло въ лишеніи Никона святительскаго сана и въ осужденіи на ссылку (приводится подлинникъ этого «объявленія»). Объявленіе это читалъ Никону Иларіонъ, рязанскій епископъ, но Никонъ перебилъ его, бранилъ патріарховъ, называя ихъ просаками и нищими, а судъ ихъ баснею, правила лживыми, номоканонъ книгою восточною, законъ царскій еретическимъ. Иларіонъ обличалъ его жестоко, нарицая убійцею, блудникомъ, хищникомъ и «иными многими безчестными глаголы» и затѣмъ опять продолжалъ перечисленіе обвиненій. Никонъ слушалъ кротко, но когда патріархи приказали снять съ головы его чернѣйшій клобукъ и съ шеи панагію, Никонъ началъ говорить и кричать:

— Вы есте просаки и грабители, а не пастыри, и пришли есте не да пользу кую здѣ сотворите, но лестію и похлѣбствомъ жестококонрав-

ныхъ чловѣкъ сердца похитите и именемъ патриаршества точію, а не дѣломъ праву ихъ разрѣшеніе учините, и тѣмъ не сытую вашу, сребролюбную и аду подобную, гортань наполните, и проч.

Цансій, не вытерпѣвъ оскорбленія, посохомъ своимъ сшибъ съ Никоновой головы клубукъ на землю. Затѣмъ, они начали другъ друга укорять и поносить, но «обаче одолѣ греческій левъ російскаго пардоса», прибавляетъ Андрей.

Когда сняли съ Никона клубукъ, съ жемчужнымъ крестомъ, и панагію, усыпанную драгоценными камнями, Никонъ сказалъ патриархамъ:

— Се яко пришельцы и невольницы суще, аще сія себе раздѣлите, потребу и отраду отъ всѣхъ скорбныхъ, бывающихъ вамъ, на нѣкое время обрящете.

Сослали Никона въ Ферапонтовъ-монастырь, въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ, подъ присмотръ архимандрита и стрѣлецкаго головы Агтея Шепелева, съ 150-ю стрѣльцами ⁽³²⁾. Здѣсь верстахъ

(32) «И введетъ бысть въ большичную *комплую* келію,

въ двухъ отъ монастыря, на острову (длиною въ 20, шириною въ 5 саж.), Никонъ водрузилъ крестъ, съ надписаніемъ, что «поставленъ бысть тотъ крестъ Никономъ патріархомъ, сущимъ въ заточеніи» ⁽³³⁾. Этотъ крестъ послужилъ впоследствии причиною къ новымъ клеветамъ на Никона. Бывшій съ нимъ въ заточеніи монахъ Воскресенскаго-монастыря Іона, искусный рѣшчикъ, озлобившись на Никона, рассказывалъ стрѣльцкому головѣ Шепелеву (и письменно засвидѣтельствовалъ), что Никонъ къ тому кресту, поставленному имъ на южной лудѣ, вздилъ бесѣдовать съ дьяволомъ. Дьяволъ исхо-

ибо той монастырь до прішествія Никонова погорѣлъ баше, говоритъ Шушеринъ.

⁽³³⁾ Шушеринъ такъ списалъ это надписаніе:

«Никонъ, Божіею милостію патріархъ, постави сій крестъ Господень, будучи въ заточеніи за слово Божіе и за святую церковь на Бѣль-езерѣ, въ Ферапонтовѣ монастырѣ, въ тюрьмѣ. Мимо того креста шла дорога зимняя. Крестъ этотъ царемъ Федоромъ былъ снятъ и надписи стерты. Таковыя надписанія бяху на всѣхъ его сосудѣхъ келейныхъ (и на двухъ другихъ крестахъ по распутьямъ), и таа вся изтроша и загладиша. Ръзавый же та надписанія, монахъ Воскресенскаго-монастыря Іона, отай приходя къ приставнику, многая ложная на Никона сшиваше».

диль къ нему въ образѣ змія. Никонъ обнималъ его, цѣловалъ и спрашивалъ, что объ немъ говорятъ въ народѣ и что гдѣ дѣлается? Обо всемъ этомъ голова донесъ царю, и Ѳеодоръ Алексѣевичъ послалъ туда тульскаго архимандрита Павла и дворянина Ивана Желябовскаго, и на основаніи показаній ихъ, Никонъ, въ 1687 году, іюня 2-го, переведенъ былъ въ Кирилло-Бѣлозерскій-монастырь.

Но и на время заточенія его въ этомъ монастырѣ, на Никона плетется иная клевета, которой также не мѣсто въ печати.

Въ 1693 году, Никонъ, 26-го апрѣля, чувствуя приближеніе часа смертнаго, принимаетъ схиму. По этому случаю, архимандритъ того монастыря Никита, спрашиваетъ патріарха Іоакима о томъ, гдѣ похоронить Никона, если онъ умретъ, и какое пѣть надъ нимъ погребеніе. Патріархъ, по совѣту царя, повелѣлъ перевести тѣло Никона въ Воскресенской-монастырь, а погребеніе пѣть простое, монашеское, а не патріаршее.

Но Никонъ, не доѣзжая Ярославля ⁽³⁴⁾, умеръ

(34) Везя его на стругъ рѣкою Шексною въ Волгу.

18-го августа, противъ Спасскаго монастыря, на рѣкѣ Которостѣ, а 26-го августа погребенъ былъ въ Воскресенскомъ монастырѣ, въ церкви, называемой «темница» (35).

«Отъ таковыя же глубины темнаго ада да избавить насъ Христосъ Богъ, и да утвердить насъ въ древле церковныхъ законѣхъ и обычаяхъ, и въ сохраненіи заповѣдей Божіихъ до конца жизни нашея пребыти, и во оставленіи грѣ-

(35) Вотъ по Шушерину подробности этого событія: царь посылалъ за патріархомъ Іоакимомъ, но тотъ не пошелъ. Ѳеодоръ Алексѣевичъ самъ отправился, съ новгородскимъ митрополитомъ Корниліемъ и четырьмя архимандритами на встрѣчу тѣла Никона и самъ пѣлъ съ клириками стихирѣ кievскимъ согласіемъ: «Днесь благодать святаго духа насъ собра». Это было въ первомъ часу дня, при перемѣнѣ благовѣствъ въ колокола. Чинъ погребенія былъ архіерейскій, но царь приказалъ митрополиту во всякомъ прошеніи поминать Никона патріархомъ. Десять часовъ съ половиною царь былъ неотступно при тѣлѣ Никона. «Освященіе же церкви Воскресенія, заканчиваетъ свою исторію Шушеринъ, бысть въ лѣто 1685, генваря 18-го дня. На освященіи же тоя церкви быша. Варсонофій, митрополитъ крутицкій, Гавріилъ, архіепископъ вологодскій и бѣлозерскій, Афанасій, архіепископъ архангельскій и холмогорскій. Изволиша же быти на томъ освященіи: великій государь, царь Іоаннъ Алексѣевичъ и государыни царевны: Татіана Михайловна, Софія Алексіевна».

ховъ чистое покаяніе ему, всецелому Владыцѣ, принести и вѣчныхъ благъ получить».

Такъ оканчиваетъ Андрей свое сказаніе о Никонѣ.

Въ книгѣ, доставшейся въ наши руки, слѣдуетъ за тѣмъ подлинное рѣшеніе суда патриарховъ, за подписью 15-ти рукъ. То же письмо и также на особомъ листѣ, написано было и по-гречески, съ подписью тѣхъ же рукъ. Далѣе слѣдуетъ статья, подъ заглавіемъ: «Отъ извѣстія, писаннаго о рожденіи и воспитаніи, и о житіи бывшаго Никона, патриарха московскаго, и поподьякономъ его Иваномъ Шушеринымъ». Болѣе интересныя свѣдѣнія изъ этой статьи, мы пустили примѣчаніями, въ пополненіе, или опроверженіе тѣхъ фактовъ, которые даны разбираемою нами раскольничьею біографіею Никона. Замѣчательно при этомъ то обстоятельство, что Шушеринъ хитро заключилъ свою исторію о Никонѣ. Онъ приписалъ въ концѣ ея слѣдующее:

«Имя же писавшаго исторію о Никонѣ, патриархѣ московскомъ, хотяи вѣдати, да разумѣеть. Оное же пять литеръ имать. Въ нихъ же три

самогласныхъ, согласная же едина и припряжногласная, едина же дебелая; суть же четверосложно во приобщеніи. Число же имать 113.

Отечество же имать литеръ 13, отъ нихъ же согласныхъ 6, самогласныхъ 4, припряжногласныхъ 3; въ нихъ же двѣ тонкихъ, едина же дебелая; суть же четверосложно во приобщеніи. Число же имать тѣг.

Прозваніе же имать литеръ 8; въ нихъ же согласныхъ 4, самогласныхъ 3, припряжногласная, едина дебелая; суть же трисложно во приобщеніи. Число же имать фѣг.

Имя же того и отечество, съ прозваніемъ, имать великое число абз.

По описанію сему будетъ: Іоаннъ Корнильевичъ Шушеринъ.

і о а и е у

Самогласныя.

н к р л в ч ш

Согласныя.

ъ

Припряжно-
дебелая.

ь

Припряжногласное тонкое.

III.

О НИКОНѢ.

(ПОСЛАНІЕ ПРОТОПОПА АВВАКУМА).

Протопопъ Аввакумъ Петровичъ, по отноше-
ніямъ своимъ къ личности патріарха Никона,
былъ несравненно послѣдовательнѣе всѣхъ ос-
тальныхъ противниковъ патріарха. Сильный и
неподражаемый діалектикъ, онъ не прибѣгалъ
къ мелкой брани и ругательствамъ, которыми
пересыщали всѣ другія сочиненія и въ особен-
ности тѣ, которыя вышли изъ подъ пера Анд-
рея-Поморянина. Обладая огромною, поразитель-
ною начитанностью, онъ давалъ своимъ сочине-
ніямъ тотъ колоритъ, какимъ рѣзко отличаются
всѣ его такъ называемыя толкованія и посланія:
произведенія протопопа прежде всего отличают-

ся законченностью выводовъ, крайнею выработанностью выражений. Знакомый со всяческими дѣлами на Москвѣ, и церковными, и гражданскими, онъ въ исторической части своихъ работъ поучительнѣе и знаменательнѣе всѣхъ остальныхъ раскольничьихъ писателей. Не имѣя нужды прибѣгать къ пасквилямъ, сплетнямъ и уловкамъ, онъ, при помощи огромной своей начитанности и громадномъ знааніи, успѣлъ сдѣлать то, что сочиненія его преимущественно прошли въ массу народа и даже породили, какъ мы уже разъ прежде сказали, особую секту, названную по имени протопопа — аввакумовщиной. Зная лично и притомъ коротко патріарха Никона, онъ не позволилъ себѣ ни разу пуститься въ мелкій и дробный анализъ особенностей характера, чтобы потомъ привязками омрачить его передъ міромъ многочисленныхъ враговъ патріарха. Это дѣло онъ предоставилъ другимъ; себѣ оставивъ часть самую важную и въ этой части онъ именно былъ и необыкновенно последователенъ и логиченъ. Протопопъ главнымъ образомъ видѣлъ въ патріархѣ противника старой вѣры, и не бу-

дучи въ состояніи разъ примириться съ мыслию объ «отступничествѣ» Никона, по времени шель въ своихъ обличеніяхъ все дальше и дальше и, наконецъ, въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ посланій къ нѣкоей дочери христовой ⁽¹⁾ видитъ въ Никонѣ вѣдреченнаго антихриста.

На этомъ-то именномъ посланіи мы и рѣшаемся остановиться на этотъ разъ, столько же для того, чтобы познакомить съ его содержаніемъ, сколько и для того, чтобы представить образчикъ сочиненій протопопа.

«Колѣкко отъ отецъ навыхохъ разумѣти писаніе (говоритъ онъ самъ за себя), и да познаеши время се совершенно (т. е. пришествіе въ міръ антихриста), — отвѣчаетъ онъ на запросъ о времени пришествія противника Христова. И продолжаетъ: многіе говорятъ, по невѣденію божественнаго писанія, что антихристъ явится въ настоящемъ Іерусалимѣ; иные говорятъ, что на землѣ чувственной скоро будетъ преставленіе этого свѣта, другіе увѣряютъ, что на чувстви-

(1) Можетъ быть къ Февроніи, такъ называемой муромской.

ной землѣ пророкамъ божіимъ Иліѣ и Елоху не быть, и что многіе люди придуть послушать ихъ благовѣстіе человѣческому роду и никто ихъ не пойметъ. Когда же кончуть они свои пророчества въ «полчетверта лѣта», тогда, по поущенію Божію, онъ «предреченный звѣрь» (т. е. антихристъ) убьетъ ихъ и тѣла ихъ оставитъ непогребенными на стогнахъ великаго города Египта («иже духовне наречется Содомъ»). Полежатъ эти тѣла на земли полчетверта лѣта («во образъ пророчества ихъ») и духъ жизненный сндетъ въ нихъ и возмутся они на небо. Потомъ антихристъ убьетъ Іоанна Богослова (будутъ великія бѣды еще и до того времени) и кто промедлитъ, тотъ легко и удобно плѣненъ будетъ дьяволомъ. Но ты, дочь Христова, мужайся и укрѣпляйся въ истинѣ, и если уже письмомъ своимъ просила меня и предала мнѣ свою душу, то увѣрься во всемъ, о чемъ я тебѣ скажу словами священнаго писанія. Пророкъ говоритъ: «отъ сѣвера лукавство сказуетъ намъ». Какое же лукавство сказуетъ намъ пророкъ явно? Явно, что возвѣстилъ антихристу

быть въ сѣверной странѣ. Аѳанасій-Великій объявилъ Антиоху, что антихристъ будетъ въ Ки-фополи. Скифополь же — сѣверная страна, наша русская земля. Св. Іоаннъ Златоустъ (въ бесѣдахъ на посланія апостола Павла), указываетъ быть антихристу въ Римѣ; а св. Кирилъ во многихъ мѣстахъ своей книги («во знаменіяхъ») вспоминаетъ, что царство противника Христова будетъ въ Римѣ. Съ нимъ соглашаются и многіе другіе. Святой же Селиверстъ папа римскій («еда съ небеси послалъ къ Филофею, патриарху Царяграда») нашу русскую землю, за ея благочестіе признаетъ третьимъ Римомъ, да и въ Кормчей книгѣ русскую землю пишутъ: «третьему Риму», а греческое царство тамъ называется вторымъ Римомъ. Св. Кирилъ въ писаніи объ антихристъ говоритъ, что онъ будетъ ни отъ царей, ни отъ роду царскаго, а блаженный Петръ Дамаскинъ, что онъ будетъ чернецъ и имѣетъ возстать въ сѣверной странѣ и всѣхъ древнихъ еретиковъ превзойдетъ въ своей ереси. Это толкованіе весьма похоже на нынѣшнее время. «Избранный сосудъ» Павелъ апостоль въ посланіи

своёмъ пишетъ объ антихристѣ, что «аще не придетъ отступленіе, прежде открытѣя чело-вѣкъ беззаконію сынъ погибели» (противникъ). Св. Златоустъ, толкуя это посланіе, говоритъ, что отступленіе — это самъ антихристъ, что отступленіе придетъ отъ вѣры, ибо самъ антихристъ явится благочестивымъ, а потомъ самъ же учинитъ отступленіе и потому прозвется сыномъ погибельнымъ. По той причинѣ нечестіемъ своимъ погубитъ многія души, если «не утрезвятся; прельстятъ избранныхъ и потомъ наденутъ отъ власти на безначаліе и послѣ себя приготовитъ весьма да дѣлаютъ лукавая». Все это, похоже на то, что по истинѣ «люто» дѣлаютъ теперь ученики его (подразумѣвая подъ этимъ, разумѣется, противниковъ старой вѣры). Св. Ипполитъ говоритъ объ антихристѣ, что онъ льстивъ, беззаконный и отречется отъ своей славы. Св. отцы писали въ Нексаріи, что онъ остановится станомъ въ Іерусалимѣ; св. Ипполитъ прибавляетъ къ этому, что онъ соорудитъ каменный храмъ, такой же, какъ въ Іерусалимѣ, а св. Кириллъ все это завершаетъ тѣмъ извѣс-

тіемъ, что антихристъ покусится создать деревянную Соломонову церковь, «со инымъ богомолиемъ», но что до конца этого храма не сможетъ довести, даже не успѣетъ покрыть ея верхъ. Да и въ толковомъ апокалипсисѣ острожской печати писано, что антихристъ будетъ изображать изъ себя Христа въ исполненіе пророчества «воздвигну скинію падшую Давидову, изриновеніе ея паки воздвигну», и такимъ дѣломъ во всемъ изображаетъ изъ себя Христа. Писано объ немъ, что онъ лстець. Во всемъ этомъ хочетъ ему быть подобенъ и Никонъ «пагубникъ», который построилъ въ сѣверной странѣ Іерусалимъ и рѣку прозвалъ Іорданомъ, и церковь такую же, какъ въ Іерусалимѣ, построилъ, и въ томъ своемъ лстивомъ Іерусалимѣ саномъ уставился.

«Время же Никона — время антихриста». Объ этомъ ясно пишетъ писатель книги «Правыя вѣры», говоря, что «по тысячѣ отъ воплощенія Божія Слова Римъ отпалъ, совсѣми западными странами, отъ восточныя церкви; въ пятьсотное же лѣто, девять-десять пятой тысячи жителіе отъ вѣры отпали и въ семь заручную грамоту дали

римскому папѣ: и сіе второе отторганіе христіанъ отъ восточныя церкви. И тогда же Литва отпала отъ вѣры. Оберегая наше московское государство, писали святин отцы: едва исполнится отъ воплощенія Божія слова $\overline{\text{X}}^{\text{25}}$ лѣто, тогда и намъ подобаеть имѣти опасеніе, чтобы такоже не пострадати; якоже и римляне, и Литва. И, вѣдая, не опаслись. «Сатана же со своимъ сосудомъ, съ Никономъ, на томъ году вѣру издѣся изгубилъ, а нынѣ и досталь истребили ученицы его». Списатель книги «Правыя вѣры» говоритъ, что тутъ и кончина вѣка, а потому многіе и недоумѣваютъ объ этомъ и говорятъ, что уже пришло то время, о которомъ писано въ книгѣ «Правой вѣры». Но списатель, вспомянувши объ этомъ выше въ томъ же словѣ, не могъ и сдѣлать иначе: св. Іоаннъ Богословъ въ «Апостолѣ» и въ «Апокалипсисѣ», въ 8-й главѣ, пишетъ, что сатана связанъ на тысячу лѣтъ, а св. Ипполитъ пополняетъ это предсказаніе объясненіемъ такого рода, что связанъ сатана на тысячу лѣтъ, считая годы эти отъ сошествія во адъ Господа нашего Ісуса Христа. Когда, пи-

шесть Исполить, пройдетъ тысяча лѣтъ отъ шестствія во адъ, и когда, послѣ той тысячи лѣтъ, исполнится число лѣтъ X^{III} и тогда, говоритъ, будетъ конецъ, придутъ на землю пророки. Не пророчествую я, но пишу отъ пророкъ: напримеръ, Даниилъ свидѣтельствуетъ объ одной недѣлѣ, въ половинѣ которой будутъ на землю пророки и возвѣстятъ «со дерзновениемъ» время времени. Писали же святые отцы и вспоминали со слезами, что быть-де великому развращенію во всѣхъ людяхъ, особенно когда, въ средѣ самыхъ христіанъ люди раздѣлятся на три части. И теперь видимъ это и не дивимся: Господь говоритъ: «горе миру о соблазнѣ». И ты, госпожа, разсуждай объ этомъ, и что съумѣешь отдѣлить отъ суевѣрнаго въ отеческихъ преданіяхъ, о томъ умалчивай. Разсужденіямъ страдальцовъ повинуйся во всемъ, о чемъ я упомянулъ выше. Вѣрю, что когда ты такъ начнешь поступать, не удалится отъ тебя спасеніе твое и да будетъ съ тобою благодать Господа нашего Ісуса Христа. Аминь».

Въ концѣ посланія сдѣлана приписка рукою

самого Аввакума, прииска слѣдующаго содержания: «А нынѣшніе ученицы Никоновы паницы, философи слѣпін, вожди всѣ възбѣсншася, яко пси лають на церковь Христову и святыхъ отецъ облыгають, и насъ православныхъ христіанъ проклинають и мучать. Апостоль глаголетъ: гонимый христіанинъ Христа въ себѣ носить, а гонящій—сатанѣ работаетъ».

IV.

ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ ПРОТОПОПА АВВАКУМА.

Второе «послание протопопа Аввакума», обращенное ко всемъ, стоявшимъ за прежній порядокъ церковныхъ дѣлъ (соборное), носитъ на себѣ двойной характеръ. Первая половина его состоитъ изъ тѣхъ отвлеченныхъ схоластическихкихъ умствованій, въ которыхъ вообще любилъ упражняться начитанный протопопъ. На этотъ разъ общій характеръ его стремлений носитъ на себѣ печать глубочайшаго смиренія и самоуниженія, которыми вообще любили прикрывать себя первые учителя старообрядства. Сколько происходило это отъ искренности чувствъ и было въ духъ всехъ реформаторовъ цѣлаго свѣта, столь-

ко-же и изъ личныхъ выгодъ ради возбужденія къ себѣ большаго сочувствія, а стало-быть и вниманія, какъ къ лицу страждущему и угнетенному. Мы останавливаемся на этой первой половинѣ посланія, чтобы показать характеръ всѣхъ приступовъ и введеній, предпосылаемыхъ Аввакумомъ къ своимъ посланіямъ. Въ нихъ много общаго и сходнаго. Но для насъ собственно важнѣе и поучительнѣе вторая половина. Она носитъ на себѣ исключительно историческій и автобіографическій характеръ. Протопопу нечего было скрываться передъ единомышленниками и не для чего. Судьба его уже была рѣшена на этотъ разъ тюрьмою, которая сулила ему въ будущемъ немного хорошаго. Еще одно посланіе въ Москву — и протопопъ съ четырьмя сообщниками былъ поставленъ въ деревянный срубъ и — сожженъ.

Посланіе Аввакума (о которомъ мы трактуемъ) начинается бесѣдою «человѣка грѣшна, человѣка безобразна и безславна, человѣка неимуща видѣнія, ни доброты, ниже подобія». «По истинѣ рещи (самоуниженно говоритъ Аввакумъ) яко не

есмь чловѣкъ, но гадъ или свиня, яко-же и она питается рожцы, тако и азъ грѣхми; рожцы во вкусъ имѣють въ гортанѣ сладко, во чревѣ же бредкость, тако и азъ, яко юнѣйшій блудный сынъ, заблудилъ отъ дому отца моего, пасохся со свинями яже естъ съ бѣсы; питаемъ грѣхми; услаждая плоть—огорчеваая душу дѣлы и словеса злыми». Основывая всю философію свою на словахъ Священнаго Писанія, онъ расположилъ остальные выводы на словахъ апостола Павла, сказавшаго: «законъ духовенъ естъ, азъ-же плотянъ есмь, проданъ подъ грѣхомъ». Что дѣлаю — того не понимаю, и дѣлаю не то, что хочу, а то, что ненавижу; и творю все это не я самъ, но «живый во мнѣ грѣхъ». «Азъ же (заключаетъ Аввакумъ) плотолюбецъ окаянный— нѣсмь чловѣкъ». Чловѣкъ былъ Іовъ праведный, непорочный, незлобивый; чловѣкъ Божій— Моисей Боговидѣцъ; былъ чловѣкъ вождь Навинъ «молитвою постави небеса текущее солнце»; чловѣкъ былъ царь Давидъ, какъ сказано о немъ: «обрѣтохъ Давида сына Іессеева, мужа по сердцу моему», былъ чловѣкъ пророкъ Авва-

кумъ, котораго принёсъ ангелъ изъ Іерусалима въ Вавилонъ съ пищею въ ровъ къ Даниилу; «но не азъ окаянный Аввакумъ» (умышленно замѣчаетъ протопопъ). Я — говоритъ онъ тотчасъ же со всею полнотою преднамѣреннаго смиренія — я и самъ сижу во рвѣ душею и тѣломъ, нагой, безъ одежды.

Закончивши такимъ-образомъ предусмотрѣнное и вынужденное отступленіе, Аввакумъ продолжаетъ: пророкъ Іеремія, отыскивая днемъ человѣка, ходилъ по городу съ зажженною свѣчей.

— Чесо ищешь, пророче? — спрашивали его люди.

— Ищу человѣка! — отвѣчалъ онъ имъ.

— Какъ не видиши? — говорили ему люди. Зри: волна митрополія великая человѣкъ: вездѣ люди.

— Вижу и азъ — отвѣчалъ имъ пророкъ — яко много плоти, но нѣсть человѣка. Человѣкъ тотъ, кто праведенъ и благоугоденъ и живетъ въ заповѣдяхъ господнихъ, а эти люди — зміи и керасты звѣріе, волцы и рыси, львы и мед-

вѣди, потому-что презирають вѣлѣнія Божіи и не ходять въ заповѣдяхъ Господнихъ.

Златоустъ, толкуя дѣяніе св. апостоль, говоритъ въ нравоученіи слѣдующее: «егда человекъ льститъ — тогда змій бываетъ; а егда блудитъ — тогда осель бываетъ, а когда чужая похищаетъ — тогда волкъ бываетъ, а егда гнѣвается — тогда рысь лютъ бываетъ; егда-же упивается — тогда самъ дьяволъ бываетъ».

«Видите людіе и чудитесь безобразству нашему (пишетъ уже отъ себя Аввакумъ) и плачьте и рыдайте вси погубившіи всю образа господня красоту и доброту, яко же Іеремія плакаше Іерусалима». Особенно намъ теперь, въ настоящее время надобно плакать, ибо Антихристъ у дверей: пришелъ къ воротамъ двора; слушайте всѣ послушающіи «дастъ бо вамъ Господь разумъ о всемъ». «Увы мнѣ, увы мнѣ мати моя! кого мя роди? по Іову: проклятъ день въ-онь-же родихоя и ночь она буди тьма, иже изведе мя изъ чрева матере моя». Такъ сильно заключаетъ свой приступъ, заканчиваетъ первую часть своего посланія протопопъ Аввакумъ, вѣря во всю силу

и многознаменательность своих намековъ, понятныхъ и намъ въ настоящее время почти чрезъ двѣсти лѣтъ послѣ смерти автора, а тѣмъ болѣе вразумительныхъ и убѣдительныхъ для современниковъ.

Но возвратимся къ самой существенной и интересной части — ко второй исторической половинѣ разбираемаго нами посланія.

«Въ 7100 году (1652) — говоритъ Аввакумъ — во второй день іюля вкрался «попущеніемъ Божиимъ» на патриаршескій престолъ бывший попъ Никита Миничъ, въ монахахъ Никонъ, обольстивши святую душу царскаго духовника Стефана, который уговорилъ царя и царицу назначить его Никона на мѣсто Юсифа («явился бо ему яко ангель, а внутрь сый дьяволъ»). Тогда и я въ тѣхъ палатахъ шатался «яко въ безднѣ мнозѣ»: много мы съ протопопомъ говорили о томъ между-собою секретно («потонку»), но спрошу объ одномъ: за что меня мучать теперь, за что тогда мучили? Когда этотъ злой вождь Никонъ сдѣлался патриархомъ и началъ искажать правую вѣру, повелѣвая креститься тремя паль-

цами и великимъ постомъ въ церкви творить «метанія» (поклоны) поясныя, только нерстами дотрогиваясь до полу—мы съ отцами и братіей, не смолчавши, стали обличать еретика и предтечу антихристовъ. Онъ-же, много насъ мучивши, разослалъ всѣхъ въ ссылку: и были мы разсѣяны какъ въ великую годину при апостолѣ Стефанѣ. Такимъ-образомъ разослалъ онъ отцовъ и братій много: епископа коломенскаго Павла мучилъ и сжегъ въ Новгородскихъ предѣлахъ; протопопа костромскаго Даніила, много мучивши, уморилъ въ земляной тюрьмѣ въ Астрахани, муромскаго протопопа Логина остригъ и преслѣдовалъ въ Муромъ; Гавріилу — священнику въ Нижномъ приказалъ отрубить голову; попа Михайла «безвѣстно погубилъ», и также погубилъ безъ вѣсти двухъ священниковъ Вологжанъ. А со мной сидѣло 60 человекъ и всѣхъ онъ насъ мучилъ и билъ и проклиналъ, и въ тюрьмѣ держалъ: немногіе теперь остались въ живыхъ. Меня сослалъ въ Даурскую землю («отъ Москвы чай тысячей будетъ съ двадцать (?!) за Сибирь»). Таская меня взадъ и впередъ

двѣнадцать лѣтъ, снова вытанили въ Москву •яко непотребнаго мертвеца, зѣло употчивали палками по бокамъ и кнутомъ по спиамъ 82 удара, а о прочихъ мукахъ потонку неколи нисать: (всяко на хребтѣ моемъ дѣлаша грѣшницы). Когда-же выѣхалъ я на Русь — попалъ на старыя цѣли и бѣды. Видите, какъ нагъ я, протопопъ Аввакумъ, и въ землю посаженъ. Жена моя, протопопица Анастасія съ дѣтьми также сидитъ въ землѣ; старецъ Соловецкой пустыни Епифаній также нагой сидитъ въ землѣ: дважды рѣзали ему языкъ «Никоніане» за исповѣданіе христіанской вѣры и руку отсѣкли «и паки ему третій языкъ Богъ далъ». Лазарь попъ сидитъ нагой и въ земли казненъ. Ѳедоръ и Кипріанъ нагіе — говорятъ — съ нами же мучатся въ тюрьмѣ, за православіе, въ прошломъ году были пытавы. Соловецкій монастырь семь лѣтъ находится отъ Никоніанъ въ осадѣ. На Мезени изъ моего дому никоніане-еретики двухъ чловѣкъ удавили на висѣлицѣ. Въ Москвѣ страдальца Авраамія — моего духовнаго сына — сожгли во дворѣ у Исаи Салтыкова. Старца Іону — казанца

въ кольскомъ острогѣ разсѣкли на пять частей. Въ Холмогорахъ сожгли Ивана юродиваго; въ Боровскѣ сожгли священника Полювта и съ нимъ вмѣстѣ четырнадцать человѣкъ. Въ Нижномъ сожгли народу много; въ Казани тридцать человѣкъ; въ Кіевѣ — стрѣльца Иларіона; а живущихъ на Волгѣ въ городахъ, въ селахъ и деревенькахъ и не хотѣвшихъ принять антихристовой печати — клали подъ мечъ тысячами. Нѣкоторые рѣшители христіанскаго закона «ура-зумѣвая леств отступленія да не погубнуть злѣ духомъ своимъ» собирались на дворахъ своихъ съ женами и дѣтьми и сожигались по своей волѣ. «Блаженъ изволилъ сей о Господѣ». Мы же оставшіеся изъ нихъ творимъ поминаніе жертвою слезною и изъ глубины сердечной («неизглаголанными воздыханьми») окажемъ такъ: «упокій Господи души рабъ всѣхъ, пострадавшихъ отъ Никоніанъ на всякомъ мѣстѣ и учини ихъ, иде же присѣщаетъ свѣтъ лица твоего. Рабамъ Божиимъ побіеннымъ — вѣчная память! Почивайте миленькіе до общаго воскресенія и о насъ молитесь: да ту же чашу испіемъ о Го-

сподѣ, которую и вы пили чашу. Мы же подщима, Госнода ради, подщима, нелвностно подвигнемся и потецемъ», пока есть время. Посмотрите: кто съ нами? Вотъ княгиня Феодосія Прокопьевна Морозова и сестра ея Евдокія Прокопьевна Урусова, и Даниловыхъ дворянская жена Марья Ерасимовна съ другими мучатся въ Боровскѣ. Послѣ многихъ мукъ и пытокъ, послѣ разграбленія ихъ имущества, закопаны онѣ живыми въ землю, алчуть и жаждуть («такіе столпы великіе, имъ-же не точень весь міръ»). Женщины онѣ «немощѣйшая чадь, а со звѣремъ по человѣку борются». Имѣла крестьянъ 8 тысячъ, да при мѣдномъ заводѣ 10,000 и больше, не пощадила и сына своего единороднаго. А теперъ вмѣсто позлащенныхъ одровъ въ землю закопаны за старое православіе (дѣти онѣ мнѣ духовныя, знаю объ нихъ изъ вѣрныхъ устъ).

Посланіе это Аввакумъ заключаетъ такъ: «И о семъ Господь рече: міръ своихъ любитъ, а Христовыхъ ненавидитъ. А міру сему держатель дьяволъ: онъ тако поучаетъ дѣлати Христовымъ рабомъ; людей и насъ вяжетъ и куеть;

мучить и смерти предаеть , потому что онъ не любитъ Христа. А идѣ-же заповѣдь Христова соблюдается—ту благодать Духа Святаго преобладаетъ, а діаволя сила отгоняется».

V.

ТРЕТЬЕ ПОСЛАНИЕ ПРОТОПОПА АВВАКУМА.

Третье послание протопопа Аввакума адресовано было къ самому царю Алексѣю Михайловичу. ⁽¹⁾ Мы передаемъ его въ возможно-полномъ и подстрочномъ переводѣ, съ тѣмъ замѣчаніемъ, что оно было послѣднимъ посланіемъ въ жизни протопопа, рѣшившимъ вскорѣ смерть его сожженіемъ въ срубѣ. Посланіе это носить на себѣ характеръ задушевной, откровенной исповѣди. Самая смѣлость его и наивность изложенія — одинаково поразительны и знаменательны. Ме-

⁽¹⁾ «Сицево посланіе послано къ царю отъ протопопа Аввакума съ сотникомъ 188 года (1680) изъ пустоверскія темницы» — сказано въ имѣющемся у насъ спискѣ.

жду старообрядцами посланіе это пользуется губочайшимъ уваженіемъ, да иначе и быть нельзя. Вотъ содержаніе этого посланія:

Царь государь и великій князь Алексѣй Михайловичъ! Много разъ я писалъ къ тебѣ прежде и просилъ тебя примириться съ Богомъ и оставить отдѣленіе свое отъ церковнаго тѣла. И теперь посылаю тебѣ мое плачевное моленіе, говорю съ тобой изъ темницы какъ изъ гроба, я, грѣшной, протопопъ Аввакумъ. Помилуй единородную свою душу и войди опять въ первое свое благочестіе, въ которомъ ты порожденъ съ бывшими прежде тебя благочестивыми царями, родителями своими и прародителями, и съ нами, твоими богомольцами: ты освященъ въ одной святой купѣли, «единой сіонской церкви святыхъ сосецъ ея нелестнымъ млекоу», воспитанъ съ нами же, наученъ здравымъ, догматамъ единой православной вѣры съ нами же отъ юности. Зачѣмъ ты братію свою такъ оскорбляешь? — вѣдь всѣ мы имѣемъ одного отца, иже есть на небесахъ, по святому Христову Евангелію. И не покручинься, царь, что я такъ съ

тобой говорю, вѣрь истинѣ. Царь есть господинъ надъ всѣми, но у Бога онъ также рабъ заурядъ со всѣми. Господиномъ назовется наипаче тотъ, кто владѣеть собою и безмѣстнымъ страстямъ своимъ не работаетъ, но имѣетъ поборникомъ непобѣдимаго самодержца безсловесныхъ страстей, который всѣ похоти низлагаетъ всеоруженіемъ цѣломудрія.

«Честь царева судъ любить», по словамъ пророка. Что-же ересь наша? — или какой расколъ внесли мы въ церковь? какъ говорятъ объ насъ Никониане, называя въ лукавомъ и богомерзкомъ Жезлѣ раскольниками и еретиками, а въ иныхъ мѣстахъ и предтечами антихриста. Не постави имъ, Господи, грѣха сего: не вѣдятъ бо, бѣдніи, что творятъ! Ты, самодержецъ — за всѣхъ отвѣчать будешь, ибо ты первый далъ имъ смѣлость нападать на насъ. Мы не видимъ въ себѣ даже слѣду какихъ-либо ересей или раскольства: пощади насъ Сынъ Божій и впредь отъ такого нечестія. Богъ свидѣтель и пречистая Богородица и всѣ святые: если мы раскольники и еретики, то и всѣ святые отцы наши и прежніе

благочестивые цари и святѣйшіе патріархи —
таковые же. О небо, и земля! слыши глаголы
сія потопныя и языки велерѣчивыя! По истинѣ,
царь государь (смыло говоримъ это), дерзаете
вы, но не на пользу себѣ. Кто-бы смѣлъ выго-
ворить такія бранныя слова на святыхъ, еслибы
«твоя держава» не попустила быть тому. По-
слушай, государь! ты своею правдою хочешь
встать на страшномъ Христовомъ судѣ передъ
ангельскими тѣмами и передъ всеми племенами
вѣрныхъ и невѣрныхъ народовъ. Если-же въ
отеческихъ святыхъ книгахъ и въ догматахъ
нашего православія хотя одна ересь или какая-
нибудь хула на Христа Бога и на церковь его
найдется, то ради мы просить прощенія передъ
всеми православными. Особенно-же ради мы
просить прощенія за то, если мы какіе-нибудь
соблазны или расколы внесли въ церковь отъ
себя. Но нѣтъ, нѣтъ! все наши церковныя за-
коноположенія правы (и непогрѣшимы) для всехъ
тѣхъ, кто понимаетъ истину, имѣетъ здравой
умъ по Христу Ісусу, а не по стихіямъ этого
міра. За церковь эту мы страждемъ, умираемъ

и проливаемъ свою кровь. Просмотри, царь христіанскій, Писанія и ты тамъ увидишь, что въ послѣднія времена исправленія вѣры нигдѣ нѣтъ и не будетъ правды; но вездѣ писано: «въ послѣднія времена отступятъ вѣры, а не исправятъ ю, и исказятъ писанія, и превратятъ, и внесутъ ереси погибельныя и многихъ прельстятъ». Во всѣхъ писаніяхъ ты увидишь это. И не удивляйся: эту истину сказалъ самъ Христосъ. «Вгда придетъ Сынъ человѣческій — обрящетъ-ли вѣру свою на земли?» Наши богословы отвѣчаютъ: «не обрящетъ, кромѣ малыхъ избранныхъ, забѣгшихъ въ горы и пустыни, а во градѣхъ и селахъ не обрящется не единого православна епископа и пона». Такъ и будетъ по славу Христову. Вспомни Ноевы времена. Много ли благочестивыхъ осталось передъ потопомъ? — знай, что только восемь человѣкъ. И при скончаніи вѣка также будетъ малое стадо Христова, и большое воинство сатаны и антихриста. И не хвались: палъ ты глубоко, а не всталъ искривленіемъ, а не исправленіемъ боѳоотметника и еретика Никома; умеръ душою отъ ученія его, а не

воскресъ. И не прогнѣвайся, что мы называемъ его богоотметникомъ: если правдою спросишь насъ—мы скажемъ тебѣ о томъ ясно, изъ устъ въ уста, съ очей на очи. Если-же не допустишь ты сдѣлать такимъ-образомъ — передадимъ на судъ Христовъ. Тамъ и тебѣ будетъ тошно, да ни мало уже не пособишь себѣ. Здѣсь ты намъ не далъ справедливаго суда съ отступниками, но тамъ ты самъ будешь отвѣчать всѣмъ намъ; а льстящіе и потакающіе тебѣ (судомъ которыхъ судилъ насъ), такъ-же сами осудятся Христомъ и святыми его. «Въ ню же мѣру мѣриша намъ—возмѣрится имъ отъ Сына Божія». «Нечего уже намъ говорить съ ними: все дѣло въ тебѣ, царѣ, затворилося и за однимъ тобою стоитъ. Жаль намъ твоей царской души, и всего семейства твоего. Сильно соболѣзнуемъ о тебѣ, да пособить не можемъ: самъ ты не хочешь помощи къ спасенію своему. А о греческихъ властяхъ и нынѣшней вѣрѣ ихъ самъ ты прежде посылалъ Арсенія Суханова разузнать у нихъ и знаешь, что у Грековъ изсякло благочестіе, по предреченію святыхъ: царя Константина, папы Селивер-

ста и ангела Божія, явившихся тогда и сказавшихъ о томъ Филовею, патриарху цареградскому. Знаешь-ли, что обо всемъ этомъ писано въ «Исторіи о бѣломъ клобуцѣ»? а если зналъ, — то зачѣмъ истину принимаешь за ложь? Вотъ за то и открывается гнѣвъ Божій на васъ и ты много разъ былъ наказанъ отъ Бога со всѣмъ своимъ царствомъ: да не опомнились. А если не велишь нашихъ мертвецовъ погребать у церкви и живущихъ велишь лишать исповѣди и святыхъ тайнъ, то Христосъ не лишитъ насъ своей благодати. Онъ съ нами теперь, съ нами же и будетъ. Надѣмся на Него крѣпко и ни одинъ смертный и тлѣнный не можетъ разлучить насъ съ Нимъ, ибо съ Нимъ мы страждемъ съ Нимъ и умираемъ. Хорошо ты, царь, придумалъ со властями своими, чтобы, по смерти нашей, грѣшныя тѣла наши побросать псамъ или отдать на растерзаніе птицамъ. Знаемъ мы, да и ты слышишь каждый день въ церкви, что святымъ мученикамъ (ни одному изъ нихъ) не было честнаго погребенія отъ убійцъ и отъ тѣхъ, которые морили ихъ въ темницахъ: тѣ-

ла ихъ брошены были въ нечистыя мѣста, въ воду, во рвы, иныхъ въ калъ, а мощи другихъ и сожигали; но Христосъ ихъ ни гдѣ не забудь. Такъ точно и насъ нигдѣ не забудеть надежда наша: снова собереть наши кости вмѣстѣ съ первыми въ послѣдній день и мертвенныя тѣла наши оживотворить духомъ святымъ. Нисколько мы не лучше древнихъ мучениковъ и исповѣдниковъ. Хорошо намъ такъ валяться на землѣ: святые отцы добровольно не вѣлѣли погребать себя въ землю ради великаго смиренія, да большую мзду примутъ отъ Христа Бога. Чѣмъ больше ты насъ оскорбляешь, мучишь и томишь, тѣмъ больше мы тебя, царя, любимъ, и молимъ Бога о тебѣ до смерти твоей и своей. Спаси, Господи, всѣхъ кланущихъ насъ и обрати ко истинѣ своей! Если не обратитесь, то всѣ погибнете на вѣки, а не временно. Прости «Михайловичъ свѣтъ!» Лучше мнѣ умереть потомъ, но прежде скажу то, что тебѣ знать надо («и никакъ не лгу — ниже притворяясь говорю»): мнѣ сидящему въ темницѣ, какъ во гробу, что надобно? — развѣ смерть одну. «Ей тако!»

*

Одинъ разъ я молился о тебѣ съ горькими слезами съ вечера и до полуночи («зѣло стужающую Божеству, дабы изцѣлится душою своею и живу быти передъ нимъ») и отъ труда своего я, многогрѣшный, падши на лицо свое, плакалъ и горько рыдалъ. Отъ великаго напряженія, забывшись, лежалъ я на земли и видѣлъ передъ собою тебя стоящаго, или ангела твоего, умиленно-подпершагося правою рукою. Я же, обрадовавшись, началъ тебя цаловать и обнимать съ умиленными словами, но, увидѣвъ на брюхѣ твоемъ огромную язву, наполненную множествомъ гноя, испугался. «Вострепетахъ душою своею», я положилъ тебя навзничъ на войлокъ своею (на которомъ творю молитвы и поклоны), и началъ язву на брюхѣ твоемъ кропить своими слезами, а руками сводить. И стало брюхо твое цѣло и здорово, какъ будто-бы никогда и не болѣло. Душа-же моя возрадовалась о Господѣ и о здравіи твоемъ. И снова, обернувши тебя вверхъ спиною, увидѣлъ я спину твою, сгнившую больше брюха. Язва эта оказалась больше первой. Когда же я съ горькими

слезами началъ спивную язву твою сводить руками, она *«мало мало посошлася»*, но исцѣвда не вся. Опомился я отъ этого видѣнія, все-таки не успѣвши всего тебя исцѣлить совершенно. Нѣтъ, видно, государь, надо перестать мнѣ плакать о тебѣ — вижу: не исцѣлить тебя. Ну, прости же ради Господа, прощай до-тѣхъ-поръ, пока не увидимся мы *тамъ*, о чемъ и говорилъ на Угрѣшѣ твоими устами и тобою присланный ко мнѣ Юрій Лутохинъ: «разсудить-де протопопъ меня съ тобою праведный судія Христось!» И я положилъ на томъ же: будь такъ по волѣ твоей: тебѣ, государь, такъ угодно, да и мнѣ такъ любо. Ты — царствуй многи лѣта; а я — буду мучиться многи лѣта: и пойдемъ вмѣстѣ въ вѣчныя своя дома, когда угодно то будетъ Богу. Ну, государь! хотя ты меня и собакамъ приказалъ выкинуть, но я еще [благословлю тебя послѣднимъ моимъ благословеніемъ, а потомъ прости: ужъ только того и жду.

Царь Государь Алексѣй Михайловичъ! по любви моей къ тебѣ исповѣдаюсь всѣмъ сердцемъ моимъ и повѣдаю тебѣ все чудеса Го-

сподня: «Иѣ не лгу!» и если будетъ все это ложь, то стать мнѣ съ тобою за ложь эту на страшномъ оудѣ передъ лицомъ Господнимъ. Ради того хочу рассказать тебѣ, что кажется Господь не замедлитъ моею смертію: думаю, скоро будетъ отложеніе тѣлу моему: крѣпко утомилъ ты меня, да къ тому и самъ я мало забочусь о здѣшной жизни. Послушай, «Державно», что разокажу тебѣ какъ бы лицомъ къ лицу:

Въ нынѣшнемъ 187 году (1679), въ великой постѣ, на первой недѣлѣ, но обыкновенію своему въ понедѣльникъ я не ѣлъ хлѣба, также во вторникъ и въ среду не ѣлъ; потомъ и въ четвергъ пробылъ не ѣвши, а въ пятницу до часовъ, началъ я келейное правило (Псалмы Давидовы) пѣть. И напала на меня странно сильная озноба, такъ что и «на печи зубы мои разбило съ дрожи». Но я, лежа на печи, въ умѣ своемъ перебиралъ псалмы (ибо Богъ далъ мнѣ способность знать всю псалтырь наизустъ). Прости, государь, невѣжеству моему: отъ дрожи той напалъ на меня мѣтъ: и я такъ изнемогъ, что даже отчаявался

въ жизни настоящей: не принималъ я пищи уже дней до десяти и больше. Лежа такимъ образомъ на постелѣ своей, я упрекаю себя, думая, что вотъ въ такіе великіе дни не могу класть правила и поклоны, но только по четкамъ считаю молитвы. И «божіимъ благословеніемъ» ночью второй недѣли, наканунѣ пятницы, распространился языкъ мой и сталъ очень великъ, потомъ и зубы мои сдѣлались большими, а вотъ и руки и ноги стали велики, потомъ и весь я широкъ и пространенъ подъ небомъ: распространился по всей землѣ. А потомъ Богъ помѣстилъ въ меня небо и землю и всю тварь. Я же въ то время, непереставая, читалъ молитвы и перебиралъ «лѣствицу» (лѣстовку). Такъ продолжалось съ небольшимъ полчаса. За тѣмъ я всталъ съ постели легко и поклонился Господу до земли, а послѣ Господняго посѣщенія, началъ и хлѣбъ ѣсть въ славу Божию. Видишь ли, Самодержецъ! ты царствуешь на свободѣ, владея одною Русскою землею, а мнѣ, за темничное сидѣніе, Сынъ Божій подарилъ небо и землю. Ты, идя изъ здѣшняго своего царства въ вѣчной свой домъ возъ-

мень только гробъ и саванъ: я же «присужденіемъ вашимъ» и того не удостоюсь, но голыя кости мои будутъ растерзаны и влачны по землѣ псами и птицами небесными. Хорошо и такъ: пріятно мнѣ и на землѣ лежать, свѣтомъ одѣянному и небомъ покрытому: и небо мое, и земля моя, и свѣтъ мой и вою тварь Богъ мнѣ далъ, какъ о томъ я уже и сказалъ выше. И не для перваго меня сдѣлано такъ (читай, Державный, если хочешь книгу Палею). Когда еще въ древнія времена великій ангелъ Алтезъ восхитилъ Авраама выспрь, т. е. на высоту къ Богу и показалъ ему «вся отъ вѣка сохраненная», такъ было угодно Богу. А теперь, думаешь: изнемогъ Богъ? Нѣтъ, нѣтъ! Тотъ же Богъ всегда и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣкомъ, аминь.

Хвалиться мнѣ не прилично, только по немощамъ моимъ, да вселится въ меня сила Христова и вселилась она не только теперь, но и въ тотъ разъ, когда темныя твои власти остригли мнѣ волосы и бороду и, предавши проклятію, держали на Угръшѣ въ темницѣ за твоимъ кауломъ. О горе мнѣ: не хочется говорить, да

нужда влечетъ. Въ тотъ разъ впалъ я въ тоску и сильно тяготился отъ кручины, размышляя про себя: что это такое? въ старину такъ надъ еретиками не ругалися, какъ наругаются теперь надо мною: волосы и бороду остригли, и проклинали, и въ темницу затворили? Никониане, больше отца своего Никона, натворили козней надо мною несчастнымъ! И жалуюсь (стужахъ) о томъ Божеству да не сдѣлаетъ безцѣльными мои бѣдныя страданія, я, въ полночь, читалъ наизусть святое евангеліе (утреннее), стоя надъ ледникомъ на соломѣ, въ одной рубашкѣ и безъ пояса. Это было въ день Вознесенія Господня. Вдохновился я: ⁽¹⁾ и всталъ близъ меня по правую руку ангелъ мой хранитель, ласкаясь и прикасаясь ко мнѣ («имя дѣя»). Я же читалъ святое евангеліе не скоро, радуясь пришествію ангела. И вотъ потомъ изъ облака явилась ко мнѣ Госпожа Богородица, потомъ и Христосъ съ силами многими. Христосъ сказалъ мнѣ: «не бойся: азъ есмь съ тобою!» Я къ тому времени успѣлъ уже прочесть святое евангеліе до конца

(1) По подлиннику «и бысть въ дусѣ весь».

и, сказавши: «слава тебѣ, Госноди» — упалъ на землю и лежалъ такимъ образомъ долгое время. Когда «отыйде слава Господня» всталъ я — и началъ кончать утреню: радость для меня была неизрѣченная, объ ней нельзя и рассказать теперь.

По любви къ тебѣ, Государь Михайловичъ, сказано все это. Готовясь умереть, объ одномъ только прошу я тебя, Христа ради: не рассказывай врагамъ моимъ Никоніанамъ тайны этой, «да не поругаютъ Христа Сына Божія и Бога. Глушы вѣдь, они дураки! бл...тъ и на самаго Бога нечестивые глаголы. Горе имъ, бѣднымъ будетъ!»

За тѣмъ, государь, миръ ти и снова благословеніе, если только исполнишь то, о чемъ я прошу твою царскую душу; если же нѣтъ — «буди воля твоя, яко же хочещи. Не хотѣлося было мнѣ въ тебѣ некрѣпкодушія того: вѣтъ то всячески всяко будещъ вмѣстѣ не нынѣ, ино тамо увидимся. Аминь».

VI.

ИСТОРИЯ

О ВЗЯТИИ СОЛОВЕЦКАГО МОНАСТЫРЯ.

«Какъ древній творецъ Омиръ много труда положилъ для того, чтобы описать начало и раззореніе города Трои и восхвалить мужей исполнителей, положившихъ жизнь свою за отечество;— такъ точно и мы постараемся рассказать исторію, но не города, знаменитаго твердостью стѣнъ и крѣпостью духа обитателей, но *монастыря свята и пречудна, его же яко начало свято, избранно и боюлюбезно, тако жителство хриstopодражательно, преподобно и боюлюбезно*».

Такъ издалека и витѣвато началъ Андрей Мышецкой свой приступъ къ описанію *Исторіи о*

запоръ и о взятіи Соловецкаго монастыря.
Мы не будемъ подотточно слѣдить за его сказаніемъ, готовые на этотъ разъ оставить за собою только одно право: — обнародовать тѣ событія изъ этого дѣла, которыя были (по какимъ бы то ни было причинамъ), пропущены всѣми историками не изъ раскольниковъ.

Авторъ этой «Исторіи», не стѣняясь во многихъ мѣстахъ прибѣгать къ самымъ замысловатымъ и мудренымъ риторическимъ украшеніямъ, во всѣхъ остальныхъ приводитъ факты, полученные имъ изъ первыхъ рукъ и въ первые мѣсяцы послѣ описываемыхъ имъ событій. Мы не имѣемъ права отказать ему въ правдивости многого, имъ сообщаемого, тѣмъ болѣе, что имѣемъ подъ руками описанія того же событія, сдѣланныя противниками раскола. Въ то же время не обязываемъ себя идти за авторомъ въ сторону отъ фактовъ, группирующихся около описываемого имъ событія. Андрей Мышецкой, въ подражаніе Гомеру и съ образца *Иліады*, ведетъ свое повѣствованіе отъ времени основанія Соловецкаго монастыря. На этомъ мѣстѣ

мы не останавливаемся ради крайней известности сообщаемых фактовъ. Далѣе авторъ восхваляетъ всѣхъ тѣхъ соловецкихъ монаховъ, которымъ могли сочувствовать защитники старой вѣры. Это мѣсто мы относимъ въ особую статью, а теперь прямо переходимъ къ тому времени, когда вновь исправленные патр. Никономъ и отпечатанныя въ Москвѣ церковныя книги получены были въ монастырь Соловецкомъ. Это было въ 1656 г. Патриархъ Никонъ уже находился тогда подъ гнѣвомъ царскимъ.

Старцы собрали соборъ; книгъ не приняли; посланнымъ дали отвѣтъ, чтобы они возвратились назадъ, но архимандритъ Илія «мужъ довольнаго разсужденія» совѣтовалъ разсмотрѣть въ книгахъ разницу и несогласія. Старцы послушались: книги отданы были на рецензію знающимъ, но для службы не употреблялись. Между тѣмъ Илія умеръ, и на его мѣсто поставленъ былъ Варфоломей. При немъ въ монастырь начали стекаться съ разныхъ сторонъ всѣ тѣ, которые сочувствовали дѣлу противленія Никоновымъ реформамъ и между прочими при-

шоль, въ 1666 г., въ Соловки, на покой, бывший архимандритъ Саввина монастыря и царской духовникъ Никаноръ.

Между-тѣмъ дошоль слухъ о дѣлѣ Соловецкихъ монаховъ до патриаршаго намѣстника и другихъ архіереевъ. «Синъ языки поостривше неправедно на праведныя, подходятъ, царя клеветуютъ, возжигаютъ гнѣвъ, воспаляютъ самодержца». Царь посылаетъ указъ, чтобы взять архимандрита къ Москвѣ. Старцы собрали совѣтъ, рѣшившій написать къ царю молитвенное прошеніе, «да ослабитъ имъ по отеческимъ уставамъ во обители жити», извѣщая предъ Богомъ, что никогда не смѣютъ принять Никоновыхъ новопреданій и что—если и гнѣвъ царскій разжется на нихъ—готовы не только терпѣть нужды и скорби, «но и кровопролитіемъ и главоположеніемъ своимъ вси единомысленно со всеусерднымъ желаніемъ готовы печатствовати». Челобитную эту старцы отправили къ царю съ соборнымъ монахомъ Александромъ Стуколовымъ, упросивши въ то же время ѣхать вмѣстѣ съ нимъ и Никанора, бывшаго духовника цар-

скаго (1). Посольство было неудачно: царь не только не хотѣлъ послабить желанію монастыря, но даже не прочелъ и посланія (2). Никанора, ласками, увѣщаніями и страхомъ, прибывшіе на это время въ Москву вселенскіе патріархи успѣли склонить на свою сторону «и клубукъ греческій рогатый на главу его возложиша». Никаноръ, вмѣстѣ съ архимандритомъ Варео-ломеемъ и Іосифомъ, отправлены, были въ Соловки для увѣщанія покориться царю, принять новоисправленныя книги и архимандри-та, вновь назначеннаго, Іосифа, бывшаго прежде строителемъ Соловецкаго подворья въ Москвѣ. Старцы приняли посланныхъ съ подобающею честію, но отъ требованій ихъ отка-

(1) Соловецкая лѣтопись говоритъ, что челобитная отправлена къ царю съ соборнымъ старцомъ Кириломъ и двумя послушниками.

(2) Челобитную эту обличали: Никаноръ Θεотокій, бывшій астраханскій архіепископъ въ своихъ отвѣтахъ, изд. 1780 г. и Юрій Сербянинъ въ письменной книгѣ «Обличеніе на Соловецкую челобитную». Въ 1834 и 1835 г. ее снова опровергали въ бесѣдахъ къ глаголемому старообрядству.

зались, говоря, что всѣ единодушно желаютъ лучше умереть, нежели измѣнить отеческимъ преданіямъ ⁽³⁾. Варсоломей и Юсифъ отправлены назадъ въ Москву, а Никаноръ остался въ монастырѣ, ибо «смиренно прощеніе отцѣмъ киновіи принесе». Вскорѣ царскимъ указомъ онъ былъ потребованъ въ Москву, но не поѣхалъ туда, сколько по собственному желанію, столько-же и съ согласія старцовъ. вмѣсто Никанора отправленъ былъ въ Москву соборный старецъ Герасимъ Өирсовъ «яко мужъ во святыхъ писаніяхъ, тако и во вѣшномъ наказаніи зѣло искусенъ». Өирсова, въ Москвѣ, духовные власти до царя не допустили, но на пути («яко извѣстніи глаголютъ»), какъ Филиппа-митрополита, задушили. Между-тѣмъ царь не переставалъ посылать въ Соловки для увѣщанія многихъ духовныхъ лицъ просьбами, ласками, общаніями. Тоже дѣлалъ и митрополитъ новгородской. Царь Алексѣй наконецъ рѣшился дѣйствовать

⁽³⁾ Соловецкая лѣтопись говоритъ, что Соловецкихъ монаховъ Варсоломея и Юсифа въ монастырь не пустили.

силою. Въ Киновію ⁽⁴⁾ Соловецкую отправленъ былъ воевода-стряпчій Игнатій Волоховъ съ сотнею стрѣльцовъ. Съ нимъ поѣхалъ и вновь назначенный архимандритъ Юсифъ. «Отсюда отцѣмъ Соловецкимъ подвигъ натруженія наста» — добавляетъ авторъ.

Предложено было на двое: или покориться, ради «привременныя сладости житія», или «смерть горчайшую получить». Старцы, въ соборной кельѣ, собравъ всѣхъ наличныхъ монаховъ, объявили имъ царскій гнѣвъ и рѣшеніе воеводы и совѣтовали «крѣпкодушнымъ» мужамъ остаться въ монастырѣ, немощнымъ же и «страшливымъ сердцемъ къ брани», съѣхать на берегъ (такихъ оказалось мало). Всѣхъ же, рѣшившихся стоять въ монастырѣ за старую вѣру, насчитывалось до 1500 человекъ. Всѣ они отказали Волохову на требованіе его покориться и заперлись въ монастырѣ 1667 году⁽⁵⁾. Воевода съ войскомъ

(4) «Киновія—по объясненію автора, есть общежительство, собранное отъ стекшихся иноковъ во едино-имянное и единотрапезное, паче же единомышленное спасительное пребываніе»:

(5) Главнымъ начальникомъ въ монастырѣ соборъ стар-

стоялъ подѣ монастыремъ четыре года. Весною онъ становился подѣ монастырь, лѣтомъ жилъ на островѣ Заяцкомѣ, а осенью переѣзжалъ на берегъ въ Сумскій острогъ, «веліе утѣшеніе и нужду и веліе насиліе и скорбь монастырю творяще»: не дозволялъ никому выходить изъ монастыря, выходившихъ велѣлъ хватать и, различно мучивши, предавалъ смерти. Такимъ образомъ пойманы были: Иванъ Захаревъ, быв-

цовъ назначилъ келаря Савватія Абрютяна (постриженнаго въ монашество изъ московскихъ дворянъ). Званія сотниковъ, пятидесятниковъ, пушкарей, затинщиковъ и каменотателей разобрали себѣ соборные рядовые старцы (числомъ болѣе 500 человекъ). Но при этомъ важно еще одно обстоятельство, о которомъ почему-то умолчалъ нащъ авторъ, и о которомъ рассказываетъ Игнатій, митрополитъ сибирской, постриженникъ соловецкій, (тогдашъ послѣ осады три года живщій въ монастырѣ на послушаніи въ званіи ексклеціарха церковнаго уставщика). Въ одномъ изъ трехъ своихъ, извѣстныхъ посланій, онъ говоритъ, что въ обитель пришли изъ Астрахани сообщники Стеньки Разина, пойманнаго уже и казненнаго. Явясъ въ Соловкахъ, они успѣли расположить въ свою пользу всю братію, и, увѣривши ихъ въ своемъ знаніи военнаго дѣла, успѣли поставить своихъ начальниковъ Ѡаддея кожевника и Ивана Сарафанова. Эти начали противиться не только новопреданіямъ Никона, но

ный Соловецкій писарь, пустышникъ Пименъ и ученикъ его Григорій. На нихъ донесъ воеводѣ какой-то крестьянинъ; воевода послалъ стрѣльцовъ разыскивать мѣсто ихъ уединенія. Стрѣльцы нашли Пимена, Григорія и Ивана Захарьева, связали ихъ и привели къ воеводѣ въ Сумскій острогъ. Воевода сначала увѣщаль ихъ «многимъ ласканіемъ и обѣщаніемъ чести и богатства, также гроженіемъ и прещеніемъ мученій», но ни въ чемъ не успѣлъ. Разгнѣванный,

и царя Алексѣя «не восхотѣли себѣ въ государя имѣти». Донскіе казаки говорили старцамъ: «постойте, братіе, за истинную вѣру и не креститесь тремя персты: это—печать антихрстова». Похулили такимъ образомъ икону св. Троицы «въ трѣхъ перстѣхъ изображенную». «Сеже они казаки того ради съ ними и протворахуся, яко да время воспріемше, онѣхъ убо во обители братство же и мірскихъ всѣхъ убо побіють; богатство же разбойнически изъ обители воспріемши, сами каждо гдѣ можетъ убъжати»—прибавляетъ далѣе Игнатій. Но предвѣщаніе это—какъ извѣстно—не оправдалось и самое подозрѣніе не имѣетъ достаточныхъ основаній. Дѣло протввленія было дѣломъ общимъ; личные интересы исчезли. «Донскіе казаки, никого же въ обитель пущаху приходящихъ, ниже молитвы ради, ниже инаго какова потребствованія—говорить въ другомъ мѣствѣ тотъ-же Игнатій.

онъ посадилъ ихъ въ острогъ, гдѣ они и пробыли цѣлый годъ «дручными голодомъ и жаждою и прочими томительными озлобленіи». Тоже самое и въ то же время терпѣли въ Кандаджскомъ монастырѣ два другихъ монаха—Сила и Алексѣй. Къ нимъ Іоаннъ отправилъ письмо, въ которомъ хвалилъ старые уставы и порицалъ новые. Письмо это «погрѣшеніемъ носящаго» было обронено, найдено и передано въ руки воеводы. Прочитавши письмо, воевода «зѣло разгнѣвася и отъ самодержца чрезъ писаніе власть приѣмъ»,—началъ мучить Захарьева. Сначала изломалъ ему руки встряскою, потомъ билъ его кнутомъ, затѣмъ велѣлъ поджигать тѣло его на огнѣ и наконецъ «отъ сожженнаго толико тѣла ребра клещами разженными извлачити повелѣ». Но и тогда воевода не насытился—прибавляетъ авторъ: остригли на головъ Захарьева волосы, приказалъ лить на темя холодную воду, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Двои сутки продолжались эти истязанія. На третій день воевода приказалъ страдальцу отрубить голову, «въ субботу по пятидесятницѣ въ

небесное субботство страсотерица главо-усъ-
ченіемъ предпосла». Нѣкоторые Сумляне собра-
ли было деньги, приготовили гробъ и «ногре-
бальная», привесли икону Богоматери, чтобы
похоронить Ивана съ честью, но воевода имъ
не позволялъ; трутъ, обернутый въ рогожу,
стрѣльцы закопали въ землю безъ пѣнія и мо-
литвъ. «Се первый плодъ, говоритъ въ заклю-
ченіе авторъ—и добрый или истъе рещи гроздъ
сладчайшій Соловецкаго монастыря преподоб-
ныхъ отецъ всесвятѣйшаго винограда въ точи-
лѣ мученій изгнѣтшійся на божественнѣйшую
вечерю ко всѣхъ царю и Богу принесесе».

Когда же воевода позвалъ къ себѣ Пимена и
вельмъ его раздѣтъ и когда всѣ увидѣли, что
тѣло старца было обложено тяжелыми желѣз-
ными веригами—воевода устыдился: наказаній
не продолжалъ и даже, продержавши Пимена
вмѣстѣ съ его ученикомъ нѣкоторое время въ
тюрьмѣ, отпустилъ потомъ снова въ пустыню.

Вскорѣ послѣ этого событія изъ монастыря
вышли еще трое: Дмитрій, Тихонъ и бѣлецъ
Іовъ, которыхъ также схватили, посадили въ

тюрьму и неоднократно пытали до того, что они всё трое в скоромъ времени умерли и были погребены рядомъ съ тѣмъ-же Иваномъ Захарьевымъ.

Но возвратимся къ Соловецкой обители⁽¹⁾. Воевода Волоховъ, простоявши передъ монасты-

(1) Авторъ нашъ опять, неизвѣстно по какой причинѣ, дѣлаетъ пропускъ. Еще прежде прибытія воеводы Волохова явились (въ 1667 г.) отъ царя архимандритъ Сергій съ патриаршимъ боярскимъ сыномъ Григоріемъ Юровскимъ. Увѣщанія ихъ были не приняты. Изъ монастыря были взяты ссыльный князь Львовъ и келарь Абрютинъ, за которыми нарочно присланъ былъ стрѣлецкій голова Иванъ Лопатинъ. На мѣсто Абрютина старцы избрали въ келари монаха Азарія—будильника, а въ казначей іеромонаха Геронтія. Такъ, покрайній-мѣръ, свидѣтельствуетъ Соловецкая лѣтопись. Она-же указываетъ на втораго миротворца—стольника Александра Хитрово, явившагося въ Сумской острогъ вмѣстѣ съ Савватіемъ Абрютинымъ, обратившимся въ православіе. Соловецкіе монахи и ихъ не послушались. Во время осады стряпчимъ Волоховымъ, въ 1670 году, выѣхалъ изъ гавани въ море чернецъ Азарій съ 13 монахами и 24 человѣками мірскихъ людей на вооруженныхъ лодкахъ для ловли рыбы, но были захвачены въ плѣвъ и отосланы въ Сумскій острогъ для строжайшаго содержанія подъ карауломъ. Это событіе также почему-то пропущено нашимъ авторомъ, во всѣхъ другихъ случаяхъ не упускающимъ малѣйшихъ подробностей этого дѣла.

ремь неполныхъ четыре года, взятъ былъ къ Москвѣ, а на его мѣсто съ тысячью новыхъ стрѣльцовъ присланъ былъ полковникъ (голова, московскихъ стрѣльцовъ) Климентъ Іевлевъ, «человѣкъ лютый и немилостивый». Онъ отобралъ всѣхъ коровъ и лошадей, сжегъ дрова, снасти, мережи, невода и всѣ запасы, сдѣланные монахами и сложенные внѣ стѣнъ монастырскихъ, а вмѣстѣ съ-тѣмъ и всѣ келліи, расположенныя кругомъ обители. «Все неблагій оиъ безчеловѣчно сожже, но и мзду за сіе отъ Бога немедленно прія: пораженъ бысть язвою согнѣтія и червей воскипѣніемъ». Страдая цынгою, Іевлевъ вытребоваъ былъ къ Москвѣ ⁽¹⁾ гдѣ вскорѣ и умеръ, а на его мѣсто прибылъ подъ монастырь (съ 1,300 свѣжаго войска) Иванъ Мещериновъ — стольникъ и воевода «лютый мучитель», иже пришедъ подъ киновію со многими стѣнобитными хитростями всяку кознь, всяко умышленіе къ раззоренію киновіи черезъ два

(1) Соловецкій летописецъ добавляетъ, что Іевлевъ вытребованъ былъ въ Москву за насильственные поступки и за прѣсненіе монастырскихъ крестьянъ.

лѣта показъ (Гевлевъ стоялъ подѣ монастыремъ тоже два года). Мещериновъ все лѣто стоялъ подѣ стѣнами киновіи; на зиму съѣзжалъ на берегъ, но монастырю сдѣлать вреда не могъ. Старцы «видяще самодержца отъ архіереевъ на гнѣвъ и ярость, весьма воспалена, помощи и милости человѣческія весьма отчаевшися, къ единому Владыцѣ всѣхъ и Богу прибѣгаху, больше молитвами и слезами и днеочными молитво-стояніи вооружахуся и молитвенными противу ратныхъ стрѣляху стрѣлами». Установлено было пѣть по два молебна въ сутки и рѣшено, во что-бы-то ни стало, не пускать московскаго войска въ монастырскія стѣны. Въ послѣднемъ рѣшеніи осажденные не ослабѣли и на то время, когда между ними началась цынга и иные постригались, ради близости смертнаго часа, въ монахи, иные принимали схиму и, причастившись, умирали (таковыхъ насчитываетъ авторъ до 700 (?)). Мещериновъ, между-тѣмъ, продолжалъ стрѣлять въ монастырь изъ пищалей и пушекъ: одно ядро, улучивши въ окно, попало въ образъ Спаса, находившійся въ алтарѣ.

На третій годъ Мещериновъ велѣлъ всему своему войску зазимовать на островѣ и тѣмъ причинилъ монастырю еще большія невзгоды: «повелѣ хитрецамъ три гранатныя пушки отъ древа содѣлати и множество пороховъ начиненныхъ ядръ вмѣщающія: ова бо изъ нихъ 190 ядръ, ова же 290, ова же 390 ядръ вмѣщающа быша». Пушки эти — по сказанію автора — успѣха не имѣли: одно ядро (пущенное изъ первой) разсыпалось, не долетѣвши до стѣнъ монастырскихъ; другое (пущенное изъ второй пушки) разорвалось, перелетѣвши монастырь, въ пустынь. Въ третій разъ ядра, брошенныя изъ третьей пушки, восходя на высоту, утрашили всѣхъ осажденныхъ «елико презельнымъ стремленіемъ, толико необычнымъ шумѣніемъ, яко врани стадомъ паряще». Возлѣтѣвши на высоту прямо надъ церковью Спаса, ядра эти «скрежетаніемъ шума и клокотаніемъ огня и жупела» привели всѣхъ въ страхъ и уныніе. Всѣ ожидали конечной гибели и утверждались въ этой надеждѣ по мѣрѣ-того, какъ ядра, достигши высоты, быстро устремились къ низу.

Они уже были недалеко отъ крестовъ соборной церкви, какъ «внѣзпну духъ нѣкій дуну отъ церкви — и рсточи оныхъ, внѣ монастыря, окрестъ оградныя стѣны обители». Только три ядра упали среди двора: одно у хлѣбопекаря, другое — въ другомъ мѣстѣ, и третье у самой гробницы или часовни преподобнаго Германа.

— Когда ядро у гробницы чудотворца Германа разорвалось (разсказывалъ потомъ брати одинъ монахъ, зажигавшій на то время свѣчи въ Германовой часовнѣ) — я видѣлъ «очезрительно» столѣтняго старца, вошедшаго въ церковь. Старецъ былъ малъ ростомъ. Подойдя къ священнымъ ковчегамъ, онъ возопилъ: «Братіе Зосимо и Савватіе! возстаните! Идемъ къ праведному Судіи Христу Богу нашему — суда праведнаго на обидящія ны просити, которые намъ покоя и въ земли дати не терпятъ!» Преподобные приподнялись въ ракахъ своихъ, съли и отвѣтствовали: «Брате Германе! Иди — почивай: прочее уже бо отмщеніе обидящихъ ны посылаетъ»

ся. «И тако возлегше — услоша». И пришедшій столѣтній старецъ невидимъ сталъ.

Такъ разоказывалъ «свѣщевозжигатель». Старцы дивились и затѣмъ соборомъ пѣли молебень. Надежда на спасеніе обители укрѣпилась въ нихъ еще болѣе, и не ослабѣвала даже на все то время, когда Мещериновъ копалъ кругомъ стѣнъ рвы и строилъ городки. Одинъ изъ осажденныхъ, бѣлецъ и служитель Димитрій, имѣлъ даже на столько храбрости, что кричалъ со стѣнъ стрѣльцамъ, ходившимъ кругомъ монастыря, слѣдующее:

— Почто много, о любими, труждаетея и толикія подвиги и поты туне и всеу проливаете, приступающе ко стѣнамъ града, заве и посла-
вѣй васъ Государь-царь косою смертною посѣ-
кается: свѣта сего отходитъ.

Слышавшіе слова Димитрія приняли ихъ за юродство и ругательства, но слова эти въо-
слѣдствіи сбылись, «показалися истиною» — при-
бавляетъ авторъ.

Между тѣмъ рвы были выкопаны; городки
выстроены, высоты равной со стѣнами мона-

стырскими ⁽³⁾, подкопы сдѣланы и засыпаны порохомъ; къ стѣнамъ приставлены были лѣстницы: войско московское пошло на приступъ; а соловецкіе старцы—въ соборную церковь. Тамъ они слезами и молитвами просили себѣ заступленія. На стѣнахъ остались стражи и слуги монастырскіе, которые не позволяли войнамъ всходить на стѣну и «охрабвившеся» сбрасывали лѣстницы. Приступъ былъ неудаченъ. Воевода былъ въ отчаяніи ⁽⁴⁾.

«Но понеже — продолжаетъ далѣе авторъ — случается домою великимъ отъ домашнихъ развращатися: случается и исполиномъ храбрымъ отъ приближающихся умерщвлятися; случается градовомъ крѣпкимъ и необозримымъ отъ своихъ соплеменниковъ предаватися». Тоже случилось и съ монастыремъ Соловецкимъ. Одинъ монахъ, именемъ Θεоктистъ, вышелъ ночью (8-го ноября) изъ обители, рѣшился

⁽³⁾ Всѣхъ городковъ, т.-е. батарей и брустверовъ — по свидѣтельству Соловецкой лѣтописи—сдѣлано было 13.

⁽⁴⁾ Этотъ первый приступъ произведенъ былъ (по Соловецкому лѣтописцу) 23-го декабря 1676 г.

предать своихъ единомышленниковъ. Придя къ воеводѣ, онъ объявилъ ему, что въ монастырской стѣнѣ есть проходъ изъ сушильной палаты, черезъ который носили прежде воду въ эту палату. Когда старцы затворились въ обители; калитку эту они заложили кирпичами, но не слишкомъ крѣпко. Феоктистъ общалъ безъ всякаго труда взять обитель: воевода согласился и далъ ему 50 стрѣльцовъ. Отъ дня Рождества Христова до 29-го января, ходилъ Феоктистъ съ этими воинами къ тому пролазу, но не могъ улучшить времени, чтобъ сдѣлать что-нибудь рѣшительное: ночи стояли во все это время необычайно тихія и свѣтлыя. Въ пятницу съ вечера (28-го января) ⁽⁵⁾ 1677 поднялась страшная буря; на монастырь повалилъ густой снѣгъ; наступалъ непроглядный мракъ, а за нимъ и глухая полярная ночь. Сотникъ Логинъ, назначенный на этотъ разъ главнымъ досмотрщи-

(5) Здѣсь оба сличаемые нами автора противорѣчатъ: Соловецкій лѣтописецъ относитъ событіе взятія монастыря къ 22-му числу января. Феоктисту помогалъ въ дѣлѣ прохода черезъ калитку майоръ Келень—начальникъ отряда.

комъ надъ караульными по стѣнамъ, заснулъ и сналъ крѣико. Нѣкто пришолъ къ нему и будиль его, говоря:

— Логине! возстани, что спиши? — Воиство ратныхъ подъ стѣною града и во градъ будутъ скоро.

Воспрянувъ отъ сна, Логинъ осмотрѣлся и, не видя никого, перекрестился, снова легъ и заснулъ.

Во второй разъ ему послышался тотъ-же голосъ:

— Логине! возстани! что безпечно спиши? — Се воиство ратныхъ во градъ входитъ.

«Возбнувъ-же и перекрестився», Логинъ думалъ, что это хочетъ быть и въ явѣ ли все это творится или только соблазнительный сонъ. Зная-же, что стражи зорко творятъ свое дѣло: онъ снова легъ и уснулъ и снова въ третій разъ слышитъ голосъ, будившій его и бранившій. Голосъ повторялъ:

— Логине! возстани! — воиство ратующихъ уже во градъ вниде!

Скоро собравшись и дрожа отъ страху, Ло-

гнѣвъ побѣждалъ къ стражамъ и, увидѣвши всѣхъ на своихъ мѣстахъ и найдя подъ стѣнами все тихо, пошелъ къ старцамъ и рассказалъ имъ явленіе. Старцы испугались, разбудили остальную братію: стали пѣть молебень, а затѣмъ полунощницу и утреню «по чину». И такъ-какъ на то время было еще глубокое утро и густая тьма лежала надъ монастыремъ, то старцы снова разошлись по кельямъ.

Въ послѣдній часъ ночи, когда уже занималась («заходила») заря и новые стражи пришли на смѣну старымъ — «предреченный предатель (то-есть Θεоктистъ), вынулъ изъ окна, при помощи желѣзныхъ ломовъ, кирпичи (плинфы), и пропустилъ такимъ-образомъ одного за другимъ, всѣхъ 50 стрѣльцовъ. Стрѣльцы эти отбили замки и отворили городскія ворота, куда вступило все наличное войско Мещеринова. Стражи, услышавши шумъ и говоръ на стѣнѣ, бросились было къ защитѣ, но, увидѣвши войско, рассыпавшееся по стѣнамъ и въ воротахъ, ужаснулись и ничего уже не могли сдѣлать. Напрасно самые храбрые изъ нихъ, Степанъ и Анто-

ній, въ числѣ тридцати человекъ, рѣшились противодѣйствовать напору осаждавшихъ: всѣ они были изрублены въ святыхъ воротахъ. Бой продолжался не долго. «Старцы-же и прочіи слуги и трудницы», бѣжали въ свои кельи и тамъ заперлись. Воевода, не входя въ обитель, послалъ туда своихъ сотниковъ просить и увѣщать иноковъ, чтобы они ничего не боялись, выходили бы изъ келій, обѣщая ничего не дѣлать съ ними («и клятвою крѣпкою свое обѣщаніе печатствова»). Старцы, повѣривъ на слово, вышли на встрѣчу съ честными крестами и святыми иконами, но воевода кресты и иконы велѣлъ отобрать, монаховъ и бѣльцовъ развести по келіямъ и оставить тамъ за карауломъ; самъ-же, вернувшись въ станъ свой, велѣлъ привести къ себѣ главнаго сотника Самуила и спрашивалъ его:

— Почто сопротивлялся самодержцу и воинство отъ него посланное отбивалъ отъ ограды?

— Не самодержцу азъ противихся — мужественно отвѣчалъ на это Самуиль, — но за отеческое благочестіе и за святую церковь муже-

ствовахъ и хотящихъ разорить преподобныхъ отецъ, пѣты, не пушалъ во ограду.

Разгнѣванной воевода приказалъ бить Самуила пѣстицами до-тѣхъ-поръ, пока несчастный не палъ подъ ударами. Трупъ Самуила бросили въ ровъ.

За Самуиломъ потребованъ былъ архимандритъ Никаноръ («иже отъ старости и трудовъ молитво-предстоянія многолѣтнихъ, ногами ходити не можаше»). Его привезли на небольшихъ саночкахъ. Воевода обратился къ нему съ тѣмиже вопросами:

— Чесо ради противился Государю? чесо ради, обѣщавшись увѣщать другихъ къ покорности, не только преступилъ обѣщаніе, но и самъ съ ними на сопротивленіе царю согласился? Зачѣмъ царское войско не пушалъ въ обитель и хотѣвшихъ войти отбивалъ оружіемъ?

На это старецъ отвѣчалъ:

— Самодержавному Государю не только не противлялся, но даже и не мыслилъ когда-нибудь противляться, ибо научился отъ отцовъ больше всего оказывать царямъ чествованья,

какъ училъ самъ Христосъ: воздавать кесарева кесареви, и Божія Богови. Но какъ вновь внесенныя уставы и «новшества» патріарха Никона не позволяютъ соблюдать божескіе неизмѣнные законы и апостольскія и отеческія преданія, то и удалился изъ міра и убѣжалъ изъ вселенной въ морской отокъ. Здѣсь «въ стяжаніи преподобныхъ чудотворцовъ» поселился, желая руководствоваться ихъ правилами и уставами и ходить по ихъ же стопамъ къ благочестію. Васъ же, пришедшихъ растлить древлецерковныя уставы, обругать труды преподобныхъ отецъ и сокрушить богоспасательные обычаи, въ обитель праведно не пускали.

Это и тому подобное говорилъ Никоноръ. Свободная рѣчь, твердый голось, смѣлый взглядъ старца раздражили воеводу. Мещериновъ началъ ругаться и укорами своими довелъ до того Никанора, что тотъ отвѣчалъ ему:

— Что ты величаешься, и что ты высишься? Не боюсь я тебя, ибо и душу самодержца въ рукъ своей имѣю.

Мещериновъ отъ послѣднихъ словъ оконча-

тельно пришолъ въ ярость: онъ вскочилъ со скамьи своей и началъ бить Никанора тростью по головѣ, по плечамъ и по спинѣ. Билъ его до той поры, пока не выбилъ послѣдніе зубы, а затѣмъ велѣлъ привязать его веревкой за ноги и влачить съ смѣхомъ и ругательствами за монастырскую ограду («мѣра влаченія яко полпоприща»). Тамъ Никаноръ брошенъ былъ въ ровъ въ одной сорочкѣ, съ разбитою о камни и ледъ головою. Цѣлую ночь мучился страдалецъ, борясь съ морозомъ и ранами; на утрѣ, передъ разсвѣтомъ, испустилъ духъ: «изыде, какъ прибавляетъ авторъ, отъ тьмы настоящаго житія въ немерцающій и приносущный свѣтъ; отъ глубокаго рва въ превысочайшее небесное царство».

Тѣми же вопросами и угрозами встрѣчаетъ Мещериновъ и соборнаго старца Макарія. Тоже и почти тѣми-же словами отвѣчаетъ старецъ этотъ воеводѣ, какъ отвѣчалъ ему архимандритъ Никаноръ. Отвѣтомъ Макарія, «яко стрѣлою», былъ пораженъ воевода, и вскочивши съ мѣста, «руками своими бія блаженнаго немилостиво по головѣ и по щекамъ, а потомъ и палкой то-

*

лико, елико изнеможи біющему». Никанора и Макарія тѣмъ же путемъ и со связанными руками, стрѣльцы утащили на морской берегъ и положили на смерзшемся льдѣ. Здѣсь, отъ холоду и ранъ, «страдалецъ отъ студености временнаго житія къ безсмертнаго царствія блаженнѣйшей веснѣ преjde».

Вслѣдъ затѣмъ Мещериновъ продолжалъ судъ и казни. «Истязавъ Хрисанфа — дроворѣзца хитраго и Феодора, живописца мудраго, со ученикомъ Андреемъ, воевода повелѣ смертію лютейшею казнити: руцѣ и нозѣ имъ отсеци, таже и самыя главы отрѣзати». Наконецъ выведены были изъ-за караула 60 человекъ монаховъ и бѣльцовъ. Всѣ они, въ свою очередь, были преданы смерти и казни: иныхъ воевода велѣлъ повѣсить за шею, другихъ за ноги, «овыя и множайшія междоробрія острымъ желѣзомъ прорѣзавше и крюкомъ продѣвши—на немъ обѣсити каждаго на своемъ крюкѣ. «Блаженные же страдалцы (свидѣтельствуетъ далѣе авторъ), съ радостію выи въ вервь вдѣваху; съ радостію нозѣ свои къ небеси тещи уготовляху; съ радо-

стію ребра на прорѣзаніе дающе и широчайше прорѣзывать молаху». Такимъ образомъ казнено было 12 человекъ.

«Иные же отъ отецъ звѣросердечный мучитель, за нозѣ вервю оцѣпивши, къ коннымъ хвостамъ привязывати повелѣ и безмилостивно влачити по отоку, дондеже души испустятъ» — прибавляетъ далѣе авторъ и свидѣтельствуесть, что Мещериновъ не пощадилъ даже больныхъ и престарѣлыхъ. Найдя ихъ твердыми въ древле-церковныхъ правилахъ, воевода приказываетъ связать подвое спинами и вытащить на морской берегъ, въ однихъ свиткахъ и во время лютаго и нестерпимаго мороза. Здѣсь на льду сдѣлана была прорубь (іордань), но не просѣченная насквозь. Вся эта прорубь наполнена была больничными старцами (числомъ до 150); въ нее пропущена была вода и всѣ мученики такимъ образомъ, примерзая ко льду, «конецъ житія приимаху». Всѣхъ пострадавшихъ во все время казней авторъ насчитываетъ до 400 человекъ «или до пятисотъ, яко же нѣци глаголаша».

Казни прекратились. Воевода остальныхъ уже не хотѣлъ предавать смерти. Изъ нихъ вытребованъ былъ только одинъ Димитрій, кричавшій со стѣны. Тѣже слова, что государя царя нѣтъ уже въ живыхъ, повтѣрилъ Димитрій и передъ лицомъ воеводы. Воевода велѣлъ посадить его съ прочими въ тюрьму, примолвивъ: «посмотримъ, какъ сбудется твое пророчество». Димитрій, вскорѣ освобожденный изъ подъ призора, отправленъ былъ въ ссылку въ Мезень, но не доѣхалъ до этого города и отъ множества ранъ умеръ въ дорогѣ. Вслѣдъ за Димитріевой ссылкой начались и другія ссылки въ отдаленные русскіе города и по ближнимъ тюрьмамъ. Монастырь опустѣлъ; но много труповъ висѣло кругомъ стѣнъ, много валялось на землѣ по морскому заливу.

Мещериновъ, окончивши казни и «обрѣтъ время, нача грабити вещи монастырскія, даже и до иконъ святыхъ дерзаше». Противъ такого насилія возсталъ янокъ Епифаній, бывший казначей монастырскій. Воевода поступилъ съ нимъ круто: ключи отъ казны и сокровищъ от-

нялъ силою, а самага Епифанія предалъ такой же казни, какъ и прежнихъ; велѣвши вытащить его на морской берегъ за ноги, и тамъ заморозилъ (1). Новой царь московскій Θεодоръ, услышавши о неистовствахъ и грабежахъ Мещеринова, поспѣшилъ отозвать его въ Москву («безчестно взяти»). «И тако оный мучитель немилостивый распудитель святѣя кинови, звѣрокротный лютейшій кроволіятель, ругательно и желѣзноносяще къ царствующему граду свезень,

(1) Далѣе у автора отступленіе отъ повѣствованія, ради разказа о смерти царя Алексѣя «въ самую недѣлю блуднаго за седмицу до разоренія кинови». Передъ смертію царь, по свидѣтельству нашего автора, нѣсколько разъ посылалъ просить патріарха Іоакима, позволить ему отозвать отъ монастыря Соловецкаго войско. Патріархъ на троекратную просьбу царя не соглашался. Когда предсмертныя болѣзни царя Алексѣя умножились, онъ, не спросясь никого, отправилъ прямо отъ себя гонца къ Мещерянову. Но воевода, взявши монастырь и совершивши казни, успѣлъ уже отправить своего гонца къ Москвѣ. Оба эти гонцы, царской и воеводской, встрѣтились въ Вологдѣ и оба возвратились въ Москву. «Егда—пишетъ авторъ—воевода кровавую оную соверши богоугодную жертву, тогда въ осмый часъ того дня государь царь оставляетъ своего царствія скипетръ, оставляетъ власть міродержанія и смертію отъ сего житія умираетъ».

и помалѣ времени отъ суда земнаго къ небесному, неумытному восхищенъ, мучительныхъ и кроволіятельныхъ прегорчайшихъ плоды сѣяній пожинати».

— И что-же?—спрашиваетъ затѣмъ авторъ: этотъ второй Іуда—виновникъ страшнаго кровопролитія — безъ наказанія, безъ отмщенія умеръ? Не сбылось надъ нимъ словъ священнаго писанія: «предавый мя тебѣ — болій грѣхъ имать?»

— «Никако-же! отвѣчаетъ самъ за себя авторъ, но якоже множайшую сотвори злобу, тако множайшее и томленіе получивъ»; — и подтверждаетъ слова свои сообщеніемъ слѣдующаго факта: «По взятіи монастыря посылается на приказъ на Вологду и попущеніемъ Божиимъ въ неискусенъ умъ предався: впаде въ страсти нечистыя — въ скверны блуднаго разліянія; по семъ впаде въ болѣзни струпнаго прокаженія: все-бо тѣло окаяннаго отъ главы и до ногу лютымъ гноемъ кипяше. Таковымъ тяжкимъ мученіемъ, толикими нестерпимыми струпоболіи злѣ томимъ на многа времена—и злѣ испровер-

же презлѣйшую душу свою отъ временнаго къ безконечному мученію немилостивно взясь». Но— возвратимся и мы, въ слѣдъ за авторомъ «къ подлежащему теченію повѣстнаго пути».

Тѣла убитыхъ и казненныхъ лежали на землѣ очень долго: по случаю холодовъ и поздней весны неповрежденными и по случаю неполученія царскаго указа непогребенными. Когда полученъ былъ послѣдній, всѣ трупы, валявшіеся на льду, по берегамъ залива, и висѣвшіе на столбахъ собраны были вмѣстѣ и погребены въ одной ямѣ, выкопанной на морской лудѣ (островѣ), такъ называемой *Женской Коры*, не подалеку отъ острововъ соловецкихъ.

На этомъ авторъ поканчиваетъ фактическую сторону своей исторіи и, вѣрный основной мысли поученія и возбужденія сочувствія къ страдальцамъ, переходитъ къ извѣстной рутинной формѣ выводовъ: не скупится на риторическія украшенія, не стѣсняется прибѣгать къ суевѣрнымъ толкованіямъ самыхъ простыхъ обыденныхъ явленій и не боится подводить самыя смѣлыя и невѣроятныя заключенія. Въ одномъ мѣстѣ онъ

говорить, что причиною, побудившею начальствующих надъ монастыремъ къ погребенію гніющихъ труповъ, были сонныя видѣнія. Убіенные пришли къ начальникамъ и говорили: «если хотите, чтобы ледъ растаялъ—соберите наши тѣла и предайте погребенію; до-тѣхъ-поръ, пока трупы наши будутъ лежать сверху земли и льда—ледъ не растаетъ». Когда же совершенно было погребеніе—весь ледъ и снѣгъ исчезли. Въ другомъ мѣстѣ авторъ увѣряетъ, что и въ весеннее время «и въ горячайшія солнца печенія» тѣла убитыхъ пребывали нетлѣнными, какъ бы живыхъ или спящихъ. По поводу населенія опустѣлаго монастыря новыми монахами изъ разныхъ русскихъ монастырей, авторъ окончательно приходитъ въ паѳосъ негодованія и говоритъ: «вмѣсто древнихъ оныхъ и добродѣтельныхъ отецъ новые мниси въ стяжаніе предобныхъ чудотворцевъ собрашеса; вмѣсто благоговѣйныхъ — неблагочиніи, вмѣсто трезвенныхъ—піанстволубивіи; вмѣсто цѣломудренныхъ—оплазливіи; вмѣсто молитвенниковъ—молвотворніи; вмѣсто боголюбивыхъ и пустыннолюбивыхъ отецъ—міръ

и житіє міра сего любящі; вмѣсто общежительныхъ — всякъ свое имѣніе притягающіи чело-вѣцы». «Отсюда—продолжаетъ онъ далѣе—въ киновіи умножишася мятежи и безчинія; умножишася по келіямъ особьяденіе, варенія и ширгощенія; умножися винопитія и піянства и раждающіи піянство—питій содержаніе. Оставляютъ яже на пѣніяхъ молитвословія, исполняютъ кликовъ безчинія, яже учащеніе празднословія, срамословія и лаяній неподобныхъ взношенія: яже табаки держанія и табакопитія и прочія неблаголѣпныя обычаи и дѣянія».

Продолжая далѣе въ такомъ же духѣ и тонѣ свое повѣствованіе, авторъ заключаетъ свое сказаніе собственно объ осадѣ Соловецкаго монастыря слѣдующими словами: «Мы же любопрепарательное оставиши о оставшихъ отцѣхъ соловецкой киновіи въ малѣ повѣствованіе и пристанищу отишія лодійцу словесе ниспустивше:—успокоимся». Авторъ *ниспускаетъ лодійцу словесе въ пристанище отишія* и успокоивается только для того, чтобы въ послѣдующемъ разсказѣ повѣдать дальнѣйшую судьбу тѣхъ изъ соло-

вѣдкихъ старцовъ, которые стояли за древне-церковное благочестіе и которые уцѣлили отъ казни Мещерина; но опускаетъ изъ виду еще одно важное обстоятельство, о которомъ говорить лѣтописецъ соловецкій.

Правительство московское, усмиривши соловецкое возстаніе, само окончательно не успокоилось. Оно цѣлой годъ держало въ монастырѣ 300 стрѣльцовъ изъ разныхъ городовъ съ начальными людьми, боясь новаго, возстать могущаго, мятежа. Въ это же время стольникъ и воевода Владиміръ Волконскій, при помощи дьяка Алмаза Чистаго, отписывалъ за монастырь волости.

VII.

ПОВѢСТЬ

О СТРАДАЛЬЦАХЪ СОЛОВЕЦКИХЪ.

Приступая къ описанію осады монастыря Соловецкаго, Андрей Поморянинъ говоритъ о тѣхъ изъ монаховъ, которымъ вообще могли и должны были сочувствовать всѣ державшіеся за *древле-церковное благочестіе*. Между-ними конечно на первомъ мѣстѣ авторъ вспоминаетъ о первыхъ соорудителяхъ монастыря Зосимѣ и Савватіѣ, «отъ нихъ же яко отъ благаго корене благой садъ и многоплоденъ собраніи изрости добрыя вѣтви». Таковы: Іоаннъ и пономарь Василій; Іоаннъ и Логгинъ «бывшіе киновіи служебники, нынѣ же новоявленіи Яренстіи чудотворцы»; Филиппъ «святый, старый киновіи многотщатель-

ный ктиторъ и всероссійскій чудотворецъ и архіерей»; Іаковъ-игуменъ «многотрудный чуднаго стѣннозданія соградитель». Ирнархъ-игуменъ «и дивный пустынножитель». Діодоръ, «трудникъ и общежитель», основавшій впоследствіи Юрьегорскій монастырь; Андрей — прожившій 58 лѣтъ въ пустынѣ; Елеазаръ Анзерскій, соорудившій скитъ (въ послушаніи у котораго жилъ долгое время Никонъ — въ последствіи патріархъ); Ілія игуменъ и первый архимандритъ, воздержный до такой степени, что ѣлъ одинъ только хлѣбъ съ водою, а чтобы не показать этого братіи: на трапезѣ, вмѣсто варава, употреблялъ одну только теплую воду; Іоаннъ юродивый «въ человѣчествѣ буйствѣ, небесною мудростію обогатившійся», предвидѣвшій день своей смерти. Много дней ходилъ онъ по монастырю и кричалъ громкимъ голосомъ: «кто мнѣ будетъ спутникъ до Іерусалима?» — и никто не могъ понять его. Вечеромъ-же «передъ конечною ночью», онъ пришолъ къ одному изъ усмарей, своему другу, и говорилъ ему: «друзе! пойдемъ со мною до Филипова колод-

ца; я тебѣ желаю показать дивную вещь». Другъ его отказывался по причинѣ поздней поры, обѣщаясь идти съ нимъ поутру. Но когда усмарь пришолъ на слѣдующее утро къ Филиппову колодцу, то нашолъ своего друга Юанна уже умершимъ. Все это онъ разсказалъ братіи «и тогда разумѣша вси, яко въ небесный Іерусалимъ блаженный спутника себѣ зваше». Гурій «блаженствомъ житія великихъ чудодѣяній изводитель показася»: онъ, живя въ пекарнѣ, входилъ въ печь тотчасъ послѣ того, какъ вынуты были изъ нея хлѣбы и въ этомъ нестерпимомъ жару (причемъ закрывалъ еще устье печи) творилъ, стоя, поклоны и молитвы. Этотъ Гурій задолго предрекъ о пріѣздѣ Никона за св. мощами Филиппа Митрополита. Встрѣчая старца Игнатія, онъ говорилъ ему:» Игнатіе! изыдеши изъ монастыря сего, ибо свой монастырь равный собереши». Это — по словамъ автора нашего — означало то, что Игнатій «въ Палеостровскомъ монастырѣ за благочестіе со двѣма тысящами и седмистами народа отъ нашествія воинвъ огнемъ скончася».

Далѣ авторъ вспоминаетъ еще многихъ изъ старцевъ, жившихъ въ монастырѣ около времени его разгрома. Таковы: юродивый Іоаннъ. Этотъ, когда еще миръ господствовалъ въ Соловецкой обители, ходилъ по монастырю и кричалъ: «бѣжимъ отсюда, къ обители иноземцы идутъ». А когда нѣкто Амосъ пріѣхалъ въ монастырь, Іоаннъ просилъ взять его съ собою на берегъ. «Почто? спрашивалъ тотъ; отвѣчалъ: «иноземцы будутъ разорять обитель». Взявши блаженнаго въ лодью, Амосъ снова опросилъ его и услышалъ, что царское войско придетъ и разоритъ киновію и обычай и уставы монастырскія изменятся. Пріѣхавши на берегъ, Іоаннъ жилъ въ селѣ Калгалакшѣ и деревняхъ съ нимъ сосѣднихъ, переходя съ мѣста на мѣсто, юродствуя по обычаю. Разъ какой-то пьяный наскочилъ на Ивана и ударилъ о землю почти до полусмерти. Придя въ себя, юродивой взглянулъ на убійцу и сказалъ ему: «какую же пользу получилъ отъ этого? вскорѣ псами будешь растерзанъ и слѣду костей твоихъ не останется. Слово блаженнаго — пишетъ авторъ — дѣло абіе бываетъ: по

малѣ грядущу тому въ весь нѣкую нападше на него псы и всего разтерзаше и ниже слѣду костей оставиша по глаголу блаженнаго». Ходя и юродствуя по всему поморью, Иванъ дошелъ наконецъ до города Архангельскаго. Здѣсь онъ началъ стоять за древнецерковное благочестіе и свободно о томъ проповѣдовать. Его схватили и увезли въ Холмогоры. Въ этомъ городѣ, послѣ многихъ истязаній и мученій, онъ приговоренъ былъ къ сожженію. На зрѣлище это собралось огромное количество народу; пріѣхалъ и самъ воевода съ маленькимъ сыномъ на рукахъ. Когда блаженнаго поставили въ срубъ и онъ, ставши на востокъ, началъ молиться и когда огонь охватилъ весь срубъ и опалилъ страдальца — ребенокъ закричалъ отцу, указывая пальцемъ: «смотри, смотри, — вонъ Иванъ пошолъ вверхъ, вонъ на небо восходитъ». Это слышали многіе, «бывшіе отъ народа» прибавляетъ авторъ и говоритъ далѣе, что и въ самой обители предъ самымъ временемъ искушенія были «зѣло велицы подвижницы и молитвенницы»; таковы: 1) тотъ велемудрый братъ, который предъ кончиной

отцу своему духовному исповѣдалъ, «яже отъ келейнаго правила впередъ на тридцать лѣтъ начиталъ и наготовилъ»; 2) дьяконъ, у котораго отъ долгаго стоянія напухли ноги и онъ, иди однажды на пѣшіе, завязалъ свою ногу, а когда ее высвободилъ и нашолъ сапогъ полный крови, то не задумался: снова вложилъ въ сапогъ ногу «на пѣшіе съ радостію поспѣшно идяше, яко ничтоже пострадавъ».

Въ заключеніе своихъ воспоминаній авторъ приводитъ имена еще двухъ лицъ: именно Герасима Фирсова и Игнатія. Про перваго онъ говоритъ слѣдующее: «мужъ довольнаго ученія, иже во время Никона патріарха новопреданій слово о крестномъ знаменіи, иже на лицахъ сочинивъ добрѣйше, мудрости своя по себѣ изображеніе остави»; а про Игнатія, что онъ «мудрости воду яко губа почерпе», утвердилъ стоять въ древнихъ правилахъ всѣ олоонецкіе и каргопольскіе станы и населилъ жителями непроходимыя пустынныя выгорѣцкія дебри.

Въ концѣ своей исторіи о взятіи Соловецкаго монастыря Андрей Денисовъ упоминаетъ о тѣхъ

прововѣдникахъ старой вѣры, которые вышли изъ Соловецкаго монастыря, таковы:

1) Епифаній, вышедшій изъ монастыря незадолго до осады съ однимъ черноризцомъ и поселившійся въ онежской странѣ. Здѣсь онъ многихъ убѣдилъ твердо стоять за старыя церковныя преданія и старыя книги. Затѣмъ на Сунъ-рѣкѣ жилъ долгое время вмѣстѣ съ старцемъ Кирилломъ. Этому Епифанію авторъ приписываетъ даръ пророчества и чудеса: «нѣкому, злѣ живущу, послѣдняя житія въ добромъ покаяніи, другому злодѣю вѣззапную и горькую смерть предрече, и вышерѣченному Кириллу хотящую быти скорбь бѣенія и узы и отъ мѣста избѣжаніе предглагола». Разставшись съ Кирилломъ, Епифаній ушолъ въ Москву и здѣсь дѣйствовалъ за одно съ Аввакумомъ, Лазаремъ и Федоромъ, за что «въ земляной тюрмѣ многолѣтно томимъ бысть; еще же и двократное языка рѣзаніе претерпѣвъ — чудеснѣ Богомъ исцѣленный паки глаголаше! Наконецъ въ 1661 году «въ самый страстей Христовыхъ день, си есть въ великій пятокъ» вмѣстѣ съ товарищами

сожженъ былъ въ Пустозерскѣ. 2) Савватій, уйдя изъ Соловковъ, долгое время ходилъ по многимъ пустынямъ, «яко зѣло бяше искусень, благопостояненъ и опасень въ обученіяхъ». Когда молился одинъ въ келіи или въ сборѣ со многими и когда случалось что либо необычайное: шумъ или смятеніе или громкой разговоръ, никогда не обращался назадъ, даже не шевелилъ головой, не шевелилъ глазами, но «яко столбъ и яко камень недвижимъ, — молитвенною цѣвницею въ небо ударяя». И не только все это дѣлалъ, но другимъ воспрещалъ озираться, говоря: «случай низвлечется да некогда Бога прогнѣваемъ». Этотъ Савватій ушолъ въ Москву съ Никитою, тамъ былъ схваченъ, влечимъ по тюрьмамъ и наконецъ ему отрубили голову. 3) Діаконъ Игнатій, бывшій епископомъ въ монастырѣ Соловецкомъ, до такой степени былъ начитанъ и уменъ, что возбуждалъ къ себѣ уваженіе даже въ противникахъ своихъ — новолюбителяхъ, изъ которыхъ одинъ говорилъ про него слѣдующее: «Игнатій Соловецкій — сусудъ полный мудрости и нагнѣтенъ есть». Этотъ Игнатій, уйдя изъ Соловковъ, жилъ дол-

гое время по монастырямъ и въ странахъ Онежскихъ и Каргопольскихъ, гдѣ успѣлъ убѣдить многихъ стоять твердо въ убѣжденіяхъ и правилахъ старой вѣры. Многіе, по его совѣту, бѣжали и основались на рѣкѣ Выгѣ. Ему приписывается между многими доблестями — даръ пророчества и предвидѣнія. Жизнь свою кончилъ Игнатій въ Палеостровскомъ монастырѣ, гдѣ онъ сожженъ былъ вмѣстѣ съ двумя тысячами семьястами человѣкъ, твердо стоявшими за древнее благочестіе, не смотря на то, что монастырь осаждало войско.

4) Германъ «смирennemудрый и кроткій», сначала вмѣстѣ съ Пименомъ, заключенъ былъ въ тюрьму Сумскаго острога. Освобожденный оттуда, онъ вновь посаженъ былъ въ тюрьму въ Новгородѣ. Отсюда онъ во второй разъ былъ освобожденъ, но впоследствии также былъ сожженъ и въ томъ же Палеостровскомъ монастырѣ.

5) Иосифъ «глаголемый сухой» жилъ долгое время въ Соловецкомъ монастырѣ, откуда перевезенъ былъ въ Сумской острогъ, гдѣ, вмѣстѣ съ Пименомъ, посаженъ былъ въ тюрьму. Проживши тамъ цѣлое лѣто, онъ былъ освобожденъ, бѣ-

жалъ въ окрестности Каргополя, гдѣ многихъ утвердилъ стоять за древлецерковное благочестіе. Поселившись въ Дорской пустынѣ, онъ собралъ множество народа, чтобы предать себя и всѣхъ на сожженіе, но заблаговременно хитростію былъ схваченъ и увезенъ въ Каргополь. Здѣсь испыталъ онъ всѣ невыгоды темничнаго заключенія, но успѣлъ уйдти и долго странствовалъ потомъ по рѣкѣ Онегѣ. Въ 1692 году Иосифъ собралъ въ Пудожской волости огромную толпу народа, которая противодействовала нападенію стрѣльцовъ; произошла схватка: Иосифъ былъ убитъ пулей, всѣ остальные схвачены и преданы сожженію: «числомъ суще тысяща двѣсти душъ» — увѣряетъ авторъ. 5) Евенмій «дивный: его же яко зачатіе и рожденіе чудно, тако и житіе свято и преподобно». Евенмій этотъ двѣнадцати лѣтъ постригся въ монашество, ходилъ по разнымъ монастырямъ, но долгое время жилъ въ Соловецкомъ. Во время осады послѣдняго, онъ вышелъ оттуда и перенравился въ Поморье, но отсюда ушелъ въ Онежскій уѣздъ и затѣмъ восемь лѣтъ прожилъ тамъ на оди-

нокомъ и пустынномъ острову въ Виданской волости. Моложа, рыбы и сыра никогда не ѣлъ, теплой одежды не носилъ, ходилъ въ одной и той же рясѣ зимой и лѣтомъ «тѣмъ и благодать предвидѣти будущая пріимъ»: предсказалъ наводненіе рѣки и наносы льду на Виданскую волость въ такомъ огромномъ количествѣ, что три недѣли стояло наводненіе, о которомъ никто и не слышалъ ни прежде, ни послѣ того. Дважды оклеветанный, онъ былъ пойманъ, связанъ, обруганъ, заключенъ въ тюрьму, но бѣжалъ оттуда при помощи единомышленниковъ и еще долгое время потомъ скитался по пустынямъ: въ одной изъ нихъ умеръ. 6) Серапіонъ дьяконъ и 7) Логинъ слуга, прожившіе много лѣтъ на морскомъ острову въ безмолвіи, жили прежде въ монастырѣ Соловецкомъ, откуда вышли во время осады и переѣхали на островъ Великій близъ селенія Ковды. Тридцать лѣтъ прожили они тутъ невѣдомые. Даже рыболовы и звѣропромышленники, часто пріѣзжавшіе на островъ, не только не видали ихъ, но и не знали, что они живутъ тамъ. «Въ толикая убо лѣта откуда пищу, отку-

да одѣждутѣлеси, отъ кѣихъ житницъ, отъ кѣихъ сокровищъ пріобрѣтаху? отъ челоуѣкъ сіе утаися! восклицаетъ авторъ и затѣмъ рассказываетъ слѣдующее. Ковденскіе рыболовы, бродя по острову, случайно нашли келію и живущаго въ ней старца Павла («прочимъ уже ко Господу отшедшимъ»). Со старцемъ этимъ рыболовы долгое время бесѣдовали, узнали все объ немъ и спостникахъ его, вкусили пищи и приняли благословеніе. Прибывши въ волость, объявили жителямъ о видѣнномъ и слышанномъ: жители волости снарядили лодью со всѣмъ потребнымъ пріѣхали на островъ, долго отыскивали пустынниковъ, но никого не нашли, не только самого Павла, но и кельи его, и не только на этотъ разъ, но и послѣ того неоднократно. Черезъ годъ нѣкоторые изъ ковденскихъ жителей видѣли надъ тѣмъ островомъ «столпъ огненный отъ земли до неба сіяющъ и видѣвше разумѣша, яко пустынные отцы ко Господу отъиде». 8) Геннадій Качаловъ, одинъ изъ соборныхъ соловецкихъ старцовъ, обошедшій много городовъ и пустынь и пойманный въ

Нижнемъ Новгородѣ. Терпя общую участь, т. е. заключенный въ тюрьму и оттуда бѣжавшій, онъ также точно поселился въ пустынь около города Тихвина, гдѣ прожилъ ровно 12 лѣтъ. За тѣмъ онъ перешолъ въ Олонецкій уѣздъ въ выгорѣцкія пустыни и прожилъ тамъ много лѣтъ, поучая старой вѣрѣ «умиленіе—же толико стяжа, яко никогда—же пѣніе безъ слезъ препровождаяше: аще вечерню и повечерницу пояше стояше, толико слезяше, яко многожды въ забвеніе приходяждаше отъ многога хлипанія». Умеръ онъ въ той же выгорѣцкой пустынь, въ которой и истратилъ послѣдніе годы своей скитальческой жизни: умеръ, не лежа на одрѣ, но сидя и читая молитвенное правило ⁽²⁾.

(2) Въ дополненіе перечня святыхъ, чтимыхъ старообрядцами, приводимъ другой дополнительный списокъ, въ которомъ упомянуты еще слѣд: 1) Максимъ Грекъ, философъ; 2) Діонисій священникъ «священныя обители Сергіевой, премудрый пастырь»; 3) Діодоръ Юрьегорскій отшельникъ, «прогнавшій враговъ молитвами черезъ озеро»; 4) Никодимъ Кожезерскій; 5) Лазарь Муромскій, «обонежскій просвѣтитель»; 6) Корнилій Пальеостровскій, «пресвѣтлая звѣзда обонежская»; 7) Трифонъ «вятской; варвары научивъ» 8) Иринеархъ Ростовскій;

Закончивши такимъ образомъ перечисленіе всѣхъ тѣхъ страдальцевъ и проповѣдниковъ, имена которыхъ памятны и почтены старообрядцами, авторъ увѣряетъ, что и по взятіи монастыря Соловецкаго многіе изъ оставшихся тамъ монаховъ стояла за старую вѣру и старыя преданія, оставаясь «никому же вѣдоміи». И наконецъ заключаетъ свое сказаніе такъ: «возрадуемся же и возвеселимся, яко въ послѣднія сія и горькоплачевная времена дивный отецъ полкъ, все-изрядное мученикъ воинство возсіяв-

9) Авраамій городецкій «чухломскій свѣтильникъ и галицкій благовѣстникъ», 10) Пахомій Костромскій; 11) Пансій; 12) Андреянь, 13) Геннадій русскій; 14) Евѣмій архангелогородскій; 15) Евѣросинъ андомскій; 16) Іаковъ Боровицкій; 17) Іаннъ-Корчужникъ, «на угляхъ сожженный»; 18) Исидоръ ростовскій 19) Іоаннъ великоколпачникъ; 20) Никита Кочановъ; 21) Вилкуль Псковскій спаситель; 22) Анна кашинская; 23) Елена московская игуменья; 24) Іуліанія муромская; 25) великая княгиня Евдокія «вознесенскія обители изряднѣйшая красота»; 26) Премудрая Февронія «заря муромская, всебогатая хитрословіемъ, искусная врачеваніемъ, побѣждающая Галіановы и Асклиподовы самымысленныя хитрости». «Воспомянемъ, говорятъ далѣе неизвѣстный авторъ, твердые и крѣпкіе мужи: Меркурія смоленскаго, Исидора ливонскаго, Антонія, Іоанна, Евстафія вилейскихъ, Іоанна казанскаго, Стефана и Петра

ши возблеста!... веледушю оныхъ удивимся, преславной храбрости возчудимся, многострадательнымъ бореніемъ возговѣимъ, многоревностное о правдѣ стояніе ублажимъ и елико удивляемся пречудныя оныхъ подвиги объемлюще сердца, толико и всесладчайшія хваленія благосердія прекраснѣйшія благотвореній принесше цвѣтособранія побѣдныя соплетающе вѣнцы, всесвященныя главы страдавшихъ увязше вѣнчаемъ. Возжелаемъ оныхъ теплой ревности, непоколебимой въ благочестіи; твердости, неизложимой въ терпѣніи, крѣпости непреврат-

казанскихъ же». «Ей! (заключаетъ авторъ), претеплыя заступницы и наши предстатели: ущедрите призывающія державную вашу помощь, рассыпьте ираки страстей, расточите, гоненіе уставите, ереси низложите, церковные раздоры погасите, междоусобныя свары утишите, упремудрите начальствующія, упасите паствуемая, вразумите старыя, уцѣломудрите юныя; накажите безчинныя, утѣшите малодушныя и вся ны милостивно научите и наставите благихъ дѣлъ, богатство пространно въ душахъ нашихъ всаждающе; волю нашу вселенной Господни воли покаряюще, въ преславнѣй правдѣ Божіей яко вѣрою, тако дѣлы совершениы являющи и всякими благими добротами, всякими спасительными прибыліи исполнимы, направите въ тихое и пресладчайшее будущіе радости пристанище, въ пресвѣтлѣй царствія небеснаго градъ».

наго о правдѣ стоянія и даже до смерти въ ономъ страданіи. Возлюбимъ сихъ дѣяній, молитвъ присныя фиміамы, умиленія рѣки, воздержанія броду, смиренія сребро, цѣломудрія здравость, терпѣнія твердость, разсужденія свѣтлость, упованіе высокое любви превосходящее и прочихъ добродѣтелей всеизрядное богатство сокровищъ... Сими же и мы всѣми спасенія стяжами, во слѣдъ грядуще, благоревностно и незаблудно шествуемъ, яко да и въ будущемъ преблаженномъ вѣцѣ тая же радости вѣчныя, тая же славы безконечныя, тая же чести святымъ уготованныя сподобимся получитьи о Христвѣ Царѣ и Бозѣ всяческихъ. Аминь»

Трактуя съ возможною подробностію текстъ «Исторія о запорѣ и о взятіи Соловецкаго монастыря», мы имѣли въ виду то важное и существенное значеніе его, что онъ послужилъ первообразомъ и образцомъ для всѣхъ послѣдующихъ раскольничьихъ авторовъ. Въ описаніи рѣдкаго изъ важнѣйшихъ событій въ жизни русскаго раскола: будетъ-ли то описаніе противоборства гражданской власти и военной

силѣ, — или жизнеописаніе новаго мученика за старую вѣру — вездѣ мы видимъ рѣзкіе слѣды вліянія этого сочиненія Андрея Поморянина. Особенно поразительно это сходство въ тѣхъ сочиненіяхъ, которыя принадлежатъ по времени къ прошедшему столѣтію. Неутрачиваютъ этой силы вліянія и тѣ изъ нихъ, которыя писаны въ нынѣшнемъ столѣтіи, хотя уже въ нихъ и исчезла правильность церковно-славянскихъ оборотовъ рѣчи, проскользаетъ грубая поддѣлка, примѣтна искусственность склада, подчасъ измѣняющая даже самой цѣли сочиненія. Особенно рѣзко это въ двухъ сочиненіяхъ, находящихся у насъ подъ руками. Первое изъ нихъ: «Посланіе о святыхъ отцахъ, иже на Мезенѣ — рѣцѣ за древнецерковное благочестіе во огни смерть воспріяху» и второе «Синаксарь или воспоминаніе страдальческихъ подвиговъ православныхъ христіанъ богоспасаемаго монастыря Свято-Покровскаго, нарѣченнаго Новопечерскимъ Кіевскимъ и посадовъ Климовскаго, Зыбковскаго и Злынскаго, совершившихся въ 1791 году, по переселеніи изъ

Вѣтки». останавливаемся въ настоящей статьѣ на первомъ, ради краткости сообщаемыхъ фактовъ.

VIII.

САМОСЖИГАТЕЛИ НА МЕЗЕНЬ.

Событіе это относится къ 7252 (1744) году.

Нѣкто Артемій Ванюковъ, крестьянинъ Окладниковой слободы (вошедшей въ послѣдствіи въ составъ города Мезени), ходитъ по мезенскимъ скитамъ долгое время, выпытываетъ и визнаетъ обо всѣхъ дѣлахъ, затѣваемыхъ скитниками, по рѣкамъ Мезени и по Печерѣ. Удовлетворившись въ своихъ изысканіяхъ и распросахъ, Ванюковъ этотъ обо всемъ видѣнномъ и слышанномъ доноситъ холмогорскому архіерею. На то время кафедрѣ занималъ архіепископъ Варсонофій — человекъ строгій къ духовенству, неумолимый въ своихъ рѣшеніяхъ и резолюціяхъ, которыя

отъ него исходили. Къ дѣламъ старообрядцевъ онъ относился еще съ большею строгостію и нетерпимостью, и потому, тотчасъ по полученіи доноса, потребовалъ отъ гражданской власти военной силы. По его представленію, изъ Архангельска отправлены были 80 человекъ солдатъ съ офицеромъ и фузеями. Войску велѣно было содержать цѣль своего похода въ возможной тайнѣ, а потому посланные распространяли повсюду слухъ, что идутъ въ Пустозерскій острогъ. На дорогѣ схватили они печорца, по имени Пареена, ѣхавшаго съ рыбой. Сбравши отъ него нужныя свѣдѣнія, самого его отправили въ Мезень. Обо всемъ этомъ узналъ одинъ изъ друзей скитниковъ, который и поспѣшилъ извѣстить своихъ единомышленниковъ о приближающейся грозѣ за два дни до прихода военнаго отряда. «И оныя по совѣту, кіи изволиша страдати за Христа, собралися во уготованную на то храмину, заперлися наготово въ верхнюю жиру, что надъ столовой поставлена, гдѣ братія службу церковную служили и лѣстницы разломали и щиты предъ враты и окны

сдѣлали и запустили, а два окна оставили помы для разговоръ и уголоваша на зажиганье смолье и бересто, которое уже прежде запасено и сохнуло, а овое лишнее книги и иконы отнесоша уже первó, а овое и по извѣстїи во устроенныя тайныя въ лѣсѣхъ келїи и двухъ челоувѣкъ отпустиша добрыхъ людей, гдѣ могутъ укрытися, кои сіе знали.»

Пришельцы одѣпили скитъ наканунѣ осеняго Николина дня и уговаривали запершихся въ окно. Эти спросили указъ — подали архіерейской. Указъ возвратили чрезъ то же окно на веревкѣ и просили указу губернаторскаго — указу этого осаждавшіе дать не могли, но уговаривали:

— Сдайтесь! не бойтесь — отворите запоры. Совѣтъ этотъ принять не былъ.

Осаждавшіе рѣшились послать въ избу находившагося въ средѣ войска одного мезенца, знакомаго скитникамъ, дочь котораго находилась вмѣстѣ съ осажденными. •И оный былъ, уговаривалъ и дочь свою уговорилъ — выпросилъ, а дочь своеволиемъ и пошла. Послѣ, пона къ окну на канатъ подняли, посланнаго изъ разряду для

уговорки и съ попомъ довольно о вѣрѣ говорили.» Увѣщаній однако не послушались, но выпросили сроку себѣ для размышленія на два мѣсяца «и давали имъ въ почестъ не малое число и дали гостинцы не малые, а стояли близъ двои сутки. Созвали солдатъ изъ лѣсу и начали на другой день жестоко говорить: «что сдайтеся, сроку вамъ не дадимъ, станемъ добиватися и ломать.»

Скитники, не внимая этимъ обѣщаніямъ, пѣли молебны, и когда осаждавшіе стали приставлять лѣстницы, чтобы взять ихъ всѣхъ живыми, скитники «сожгошася и загорѣся хранина и бысть шумъ пламенной яко громъ и пламень огненной, въ мгновеніе ока охвати всю хранину и тако старѣйшій Іоаннъ Анкидиновъ ⁽³⁾ скончася огнемъ и съ нимъ обоего пола, мужескаго и женскаго, числомъ 86 душъ, мѣсяца декабря въ 7 день (1744 г.) Между трупами найденъ одинъ старецъ «вериги желѣзныя около его» и другой

(3) Этотъ Иванъ Анкидиновъ, по словамъ сказанія, былъ родомъ изъ Ростова. Жилъ долгое время на рѣкѣ Выгѣ. На рѣку Печору пришолъ по знакомству съ Паревнемъ.

бѣлецъ (оба-де несорѣвшіе). Келіи были сожжены, остальные скитники всѣ переловлены: нѣкоторые привезены были сперва на Мезень, а всѣ остальные потомъ отданы были архіерею и отвозены для этого въ Холмогоры. На запусѣломъ мѣстѣ оставленъ былъ сначала солдатъ, а потомъ поселены крестьяне.

Въ концѣ сказанія приводится весьма незамѣчательная подробностями біографія этого Іоанна, составленная имъ самимъ, когда онъ былъ уже «близъ сущій вратъ смертныхъ.» Авторъ признается, что въ молодости онъ былъ охотникъ до женскаго пола, даже и при жизни жены своей и вообще «всю волю дьявольскую сотворишь», часто хворалъ и наконецъ бѣжалъ изъ семьи, но былъ пойманъ, содержался въ архіерейскомъ домѣ въ Олонцѣ, но и отсюда также бѣжалъ. Затѣмъ въ житіи этомъ слѣдуютъ сѣтованія на грѣхи и ругательства на душу, омраченную такими дѣянїями, но — и только. А въ заключенїи: «аще благоволитъ Господь Богъ по мою унылую грѣшную душу, какимъ ни есть случаемъ, какъ онъ нашъ милостивой Господь

Богъ Исусъ Христосъ своимъ изволеніемъ и милосердіемъ, по воли своей святѣй, изволить: помолитесь о мнѣ окаяннѣмъ и помозити ми въ страшное оно слово положеніе; потрудитесь, Господа ради, не презрите сего моего послѣдняго къ вамъ прошенія въ сіе самое нужное мнѣ время; а тѣло мое окаянное, недостойное и скверное, вервицею за ноги задѣвше, повергните внѣ монастыря или гдѣ пригодится въ неудобное мѣсто, въ блатное или въ ровъ псомъ, звѣремъ и птицамъ на съѣденіе, того оно и достойное. Не смиренія ради сія глаголю, но истинно того достойно: аще жelahъ и просихъ у Господа Бога, чтобы посредѣ града влачиму и поругану быти и повергнута звѣремъ и птицамъ на съѣденіе. Но воля нашего общаго Владыки и Создателя Господа Бога, какъ Онъ Свѣтъ нашъ милостивой по моей немощи благоволить, и яко же Ему годѣ, тако и буди имя Господне благословенно отъ нынѣ и до вѣка. Аминь.»

Такія простыя, искренныя и откровенныя слова написалъ этотъ Иванъ Анкидиновъ за нѣсколько часовъ до смерти.

